

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

В. Д. КОРОЛЮК, Н. И. ТОЛСТОЙ, И. А. ХРЕНОВ,
И. М. ШЕПТУНОВ, С. А. ШЕРЛАИМОВА

СОВЕТСКОЕ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ
КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1945—1963 гг.

V Международный съезд славистов

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т С Л А В Я Н О В Е Д Е Н И Я

В. Д. КОРОЛЮК, Н. И. ТОЛСТОЙ, И. А. ХРЕНОВ,
И. М. ШЕПТУНОВ, С. А. ЩЕРЛАИМОВА

СОВЕТСКОЕ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

КРАТКИЙ ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

1945—1963 гг.

V международный съезд славистов

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О А К А Д Е М И И Н А У К С С С Р
М о с к в а 1 9 6 3

Под редакцией
В. Д. КОРОЛЮКА, И. А. ХРЕНОВА

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА¹

Славистические исследования имеют большие традиции в СССР. Еще до Великой Октябрьской революции в России работали выдающиеся представители славяноведения, которые внесли большой вклад в развитие мировых знаний о славянских народах². Правда, подобно тому, как это было в других европейских странах, в России славяноведение рассматривалось преимущественно как филологическая наука. Филологические исследования весьма заметно преобладали над исследованиями исторического характера, хотя и в области изучения истории зарубежных славянских народов были достигнуты известные успехи, появились большие и серьезные монографии, были изданы важные исторические источники.

Филологическое направление в области славистики продолжало преобладать в СССР и в первые годы после Октябрьской революции. Такие широко известные слависты, как П. А. Ларов, Е. Ф. Карский, подводили итоги своим большим дореволюционным исследованиям

¹ В настоящей работе авторы пытаются дать характеристику славяноведения в СССР в узком значении этой комплексной дисциплины и поэтому касаются, главным образом, тех работ, которые посвящены зарубежным славянским народам. Она не претендует на сколько-нибудь исчерпывающий анализ всех проблем, разрабатывавшихся советскими славистами в послевоенный период. Задачи ее гораздо более скромные: она представляет собой лишь информационный обзор, дающий представление об основной литературе, изданной в СССР.

² Общая характеристика дореволюционного русского славяноведения была дана в статье В. И. Пичеты «К истории славяноведения в СССР» («Историк-марксист», 1941, № 3) и в соответствующих параграфах коллективного труда «Очерки истории исторической науки в СССР» (т. I, II. М., 1955), которые были написаны С. А. Никитиным.

в области славянской филологии. П. А. Лавров издал сохранившие до сих пор свое научное значение труды: «Кирилл и Мефодий в древнеславянской письменности» (Киев, 1928) и «Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности» (Л., 1930), а Е. Ф. Карский опубликовал большую сводную работу «Славянская кирилловская палеография» (Л., 1928). Филологическим по своему профилю был и функционировавший в 30-е годы в Ленинграде Институт славяноведения, издавший в 1932 и 1934 гг. два тома своих «Трудов».

Что касается собственно-историко-славистических исследований, то здесь активность буржуазных ученых была значительно более слабой. Одной из важнейших работ был обработанный М. К. Любавским курс лекций по истории западных славян, прочитанный в Московском университете и изданный в 1917 г. И по своей методологии и по кругу рассматриваемых вопросов курс этот примыкал к историко-славистическим исследованиям дореволюционного периода.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции создала условия для развития нового, основанного на марксистско-ленинской методологии направления славистических исследований. Разоблачение панславистских, великодержавно-шовинистических или наивно славянофильско-романтических представлений о славянстве было необходимым условием для перехода к изучению славянского мира с позиций пролетарского интернационализма, с позиций признания равноправия и исторической полноценности больших и малых народов. Правда, на пути успешного развития в СССР славистических исследований существовали в 20 — начале 30-х годов известные трудности. Сказывался недостаток квалифицированных, марксистски образованных кадров, мешала имевшая место в общественных науках этого периода недооценка значения изучения гражданской истории.

Подъем славистических исследований в СССР относится к концу 30-х годов. К этому времени в области общественных наук уже полностью восторжествовала марксистско-ленинская методология исследования. Советская наука не только критически освоила дореволюционное научное наследие, отбросив из него все реакционное, великодержавно-шовинистическое, но и использовала все положительное, прежде всего накопленный десятилетиями

огромный фактический материал. Приступая к разработке сложных проблем исторического прошлого славянских народов, историки-слависты опирались на богатый опыт, накопленный советской исторической наукой в области истории СССР и всеобщей истории. Крупные публикации источников, особенно по истории международных отношений периода первой мировой войны, подготовили солидную базу для разработки ряда проблем из истории славянских стран новейшего времени.

Но наряду с этими благоприятными для развития историко-славистических исследований условиями действовали и порожденные культом личности И. В. Сталина явления, тормозившие развитие общественных наук в нашей стране, часто загонявшие творческую исследовательскую мысль в прокрустово ложе схематизма и цитатничества. Культ И. В. Сталина, навязываемое ученым преклонение перед его теоретическими положениями особенно отрицательно сказалось на изучении проблем новой и новейшей истории и прежде всего на изучении опыта революционного, коммунистического движения в славянских странах, межславянских революционных связей.

Усиление интереса к прошлому славянских народов, наблюдавшееся в СССР в конце 30-х годов, диктовалось в серьезной мере задачей борьбы против оголтелой антиславянской пропаганды германского фашизма. Перед советскими историками всталась серьезная задача разоблачения фальсификации всемирной истории в писаниях фашистских лжеученых и расистов, отрицавших способность славянских народов к прогрессивному развитию в области культуры и экономики, политической жизни.

В годы второй мировой войны, когда германский фашизм создал смертельную угрозу самому существованию славянских народов, разработка вопросов истории, истории культуры и языка зарубежных славянских стран приобрела особенно большую научную и политическую актуальность³. Вскрывая теоретическую и фактологическую несостоятельность фашистских «остфоршеров», так

³ Помимо многочисленных статей и рецензий, написанных видными советскими историками-славистами, разоблачению фашистского извращения истории и прежде всего истории славянских народов были посвящены специальные сборники: «Против фашистской фальсификации истории». М., 1939; «Преступления фашистов против исторической науки». М., 1945.

называемых исследователей Востока, разоблачая звериное существо их расистских взглядов, анализируя социальные корни германского фашизма, с учетом конкретно-исторической обстановки, изучая вековой «Drang nach Osten» германских феодалов и германских империалистов, советские слависты и германисты активно участвовали в благородной борьбе против гитлеризма, отстаивая право всех народов — больших и малых — на самостоятельное существование.

В результате разгрома германского фашизма и победы народных революций славянские страны Центральной и Юго-Восточной Европы встали на путь социалистического строительства. Все это способствовало дальнейшему расширению в СССР славистических исследований. Прямым отражением необычайно возросшего в новых исторических условиях значения славистических исследований в СССР, резко усилившегося интереса к прошлому зарубежных славянских стран, их культуре и языку явилось создание в системе Академии наук СССР специального научного учреждения — Института славяноведения в Москве.

Следует сразу же отметить, что Институт славяноведения создавался как историко-филологическое учреждение, где заметно преобладают работы на исторические и историко-культурные темы. В этом нашли свое отражение стремление советской общественности глубже понять прошлое зарубежных славянских народов, горячие симпатии советских людей к их многовековой освободительной борьбе, которой горячо сочувствовали все поколения русских революционеров — от декабристов до Ленина. Преобладание в советском славяноведении исторической тематики вполне соответствовало общему направлению развития общественных наук, в системе которых исторические науки играют исключительно важную роль.

На Институт славяноведения были возложены задачи научной разработки общих проблем славяноведения, вопросов истории, языка и истории культуры западных и южных славян, истории многовековых экономических, политических, культурных и языковых связей между славянскими народами. Одной из первоочередных задач нового научного учреждения была подготовка достаточно квалифицированных кадров славистов.

Главными направлениями в работе Института были и остаются следующие: изучение новой и новейшей исто-

рии, истории народно-демократических революций и строительства социализма и социалистической культуры в славянских странах; истории литературы и искусства, проблемы межславянских исторических и культурных связей; проблемы национального возрождения славянских народов, истории национально-освободительных движений и становления национальной культуры; вопросы сравнительно-исторического изучения славянских языков (фонология, этимология, грамматический строй, синтаксис, лексика); диалектологии; межславянских и балтославянских языковых связей; публикация исторических и литературных памятников и документальных материалов. В настоящее время необходимо большее внимание уделить еще одному новому направлению в исследовательской работе института — изучению славяно-германских исторических отношений и связей. В задачи советских славистов входит объективное исследование этой широкой проблематики и прежде всего решительная борьба с реваншистскими и шовинистическими тенденциями в современной буржуазной литературе. Большое место в работе института занимали и занимают обобщающие труды по истории славянских народов с древнейших времен до наших дней. Институт поддерживает и развивает научные связи с зарубежными славистическими центрами, особенно с научными учреждениями социалистических стран.

* * *

Славяноведение как наука начало складываться в конце XVIII — начале XIX в., в период так называемого возрождения славянских народов в связи с формированием славянских наций и подъемом национально-освободительного движения западных и южных славян. Рост национального самосознания вызвал усиленный интерес к национальной истории и языку, к родственным чертам в языке и культуре, сближающим славянские народы между собой⁴.

⁴ В советской печати исторические предпосылки возникновения славяноведения как науки были проанализированы в статье выдающегося чешского ученого З. Р. Неедлы, в течение многих лет активно сотрудничавшего с советскими славистами. См. З.Р. Неедлы. К истории славяноведения до XVIII в. «Историк-марксист», 1941, № 2.

Стремление к уяснению прошлого славянства было подготовлено всем ходом истории славянских народов, вынужденных на протяжении многих веков отстаивать свое право на самобытное развитие в упорной борьбе против чужеземных агрессоров. В этой борьбе каждый славянский народ понимал, что он не одинок, что он принадлежит к могучему славянскому племени, широко расселившемуся на необозримых просторах Европы и Азии. Мысль о единстве глубоко коренилась в сердцах всех славянских патриотов, начиная с IX в., когда Кирилл и Мефодий создали единую старославянскую письменность, на которой возникла огромная оригинальная и переводная литература в Паннонии, Моравии, Болгарии, на Руси и в Сербии. Литература эта явилась важным фактором в укреплении культурных связей между восточными, южными и западными славянами. Свою принадлежность к славянству хорошо сознавали и летописец древней Руси, и те западнославянские хронисты, которые записали стариинное предание о трех братьях — Рузе, Лехе и Чехе.

Битва при Грюнвальде, где совместными усилиями поляков, русских, украинцев, белорусов и чехов была наголову разбита закованная в железо армия Тевтонского ордена, явилась прекрасным примером силы и мощи объединенного славянства. В тяжелые годы Гуситских войн взоры восставших чехов обращались к подымющейся Польше, у нее же, тогда сильной и независимой, искали в XV—XVI вв. поддержки изнемогавшие в неравной борьбе с турецким нашествием южные славяне. С XVI в. угнетенные славянские народы стали с надеждой следить за самой могущественной славянской страной — Россией, единственной славянской страной, сумевшей в дальнейшем сохранить свою национальную независимость. В России черпал свою веру в славянское племя великий славянский патриот и ученый Юрий Крижанич. В тесном единении с русским народом украинцы и белорусы вели общую борьбу за свое социальное освобождение. В борьбе с самодержавием, угнетавшим народы России и поработившим польский народ, крепли русско-польские революционные связи. Само существование сильной и независимой России явилось могучим фактором, помогавшим чехам устоять перед чудовищным напором воинствующего пангерманизма. Русский народ при-

шел на помощь черногорцам, помог освободиться от турецкого феодального рабства сербам и болгарам.

Великая Октябрьская социалистическая революция, провозгласившая ленинский принцип равноправия всех народов, создала прочную основу для самостоятельного государственного развития Польши, Чехословакии и Югославии. Но никогда в истории идея славянского единства не играла такой громадной роли, как в годы второй мировой войны. Она помогла славянским народам устоять в смертельной схватке с германским империализмом. Героическими усилиями миролюбивого человечества было раз и навсегда покончено с агрессивным налаживанием на восток германских юнкеров и капиталистов, союз с СССР стал нерушимой гарантией национальной независимости славянских стран.

Так укреплялось сознание единства и общности интересов в ходе многовековой славянской истории.

В глубоком сходстве, в теснейшей взаимосвязи исторических судеб славян в их совместной борьбе против иноземных захватчиков и состоит сущность традиционной славянской общности, ставшей предметом обостренного интереса передовых деятелей возрождения в конце XVIII — начале XIX вв., когда стала складываться особая наука — славяноведение.

На первом этапе своего развития славяноведение выступало еще как недостаточно расчененный комплекс различных дисциплин, характеризующийся общим филологическим уклоном. Преимущественный интерес к филологии объяснялся тем, что близость славянских языков являлась наиболее явным проявлением славянской общности, наиболее неоспоримым свидетельством живого родства славянских народов. Однако разработка проблем истории славян присутствовала уже в первых исследованиях ученых-славистов, и с течением времени именно историко-общественные и историко-культурные связи славянства становились тем важнейшим аспектом славяноведения, которым определяется его социально-политическая значимость.

Во второй половине XIX в. славяноведение продолжало успешно развиваться, неуклонно расширяя и углубляя сферу своих научных интересов, что привело к постепенной дифференциации его на ряд специфических отраслей — история, археология, языкознание, фольклор-

ристика, литературоведение, этнография. В этот период славяноведение окончательно формируется как совокупность научных дисциплин, изучающих историю, языки, а также литературу, шире — культуру славянских народов.

Первые элементы марксистского славяноведения на рубеже XIX—XX вв. были одним из выражений пролетарских интернационалистических связей славянских народов. Огромную роль для развития марксистского славяноведения сыграли труды В. И. Ленина, идеино разгромившие народничество, что одновременно явилось разгромом ложных теорий славянофильства. В. И. Ленин дал также гениальный анализ национального движения в славянских странах в эпоху империализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция привела к коренным изменениям в судьбах славянских народов и оказала огромное влияние на развитие славяноведения в СССР, вставшего на прочный фундамент марксистской методологии. В советский период было окончательно преодолено преимущественно филологическое направление славистических исследований. Первенствующее значение получили работы исторического и историко-культурного характера.

Если русское буржуазное славяноведение, рассматривая единство происхождения славянских народов и общие черты в их истории, культуре и языке, исходило из ложных идеалистических представлений об особых свойствах «славянской души», то марксистское славяноведение рассматривает историческую и культурную жизнь славянских народов, исходя из общих закономерностей исторического процесса, не противопоставляя славян другим народам. Общие черты в истории, культуре и языке славянских народов марксистская наука объясняет как реальный результат общности их этнического происхождения, смежности территорий и тесных экономических, политических и культурных связей на протяжении веков. Без глубокой разработки историко-культурной проблематики славяноведение не стало бы подлинной общественной наукой, которой оно является в настоящее время.

Взгляд на славяноведение как на чисто филологическую науку по существу является пережитком ранней стадии развития славяноведения. Научная беспочвен-

ность этого взгляда для современного ученого-марксиста очевидна. Тем не менее вплоть до самого последнего времени этот взгляд продолжает бытовать в определенных научных кругах, особенно за рубежом. В течение длительного времени историки-слависты были отстранены от работы международных славистических организаций, занимающихся подготовкой периодически созываемых международных съездов славистов. В настоящее время эта практика начала преодолеваться. Тот факт, что в предстоящем V Международном съезде славистов, как показывают решения совещания Международного комитета славистов, состоявшегося 11—16 ноября 1960 г. в Софии⁵, примут широкое участие историки-слависты, на наш взгляд, правильно отражает существующее положение в мировом славяноведении, необычайно возросший в нем в последнее время удельный вес историко-славистических исследований.

Думается, что в настоящее время уже нет никаких оснований для споров в определении характера славяноведения как науки. Славяноведение сложилось как комплексная наука о славянских народах, исследуемых в историческом, историко-культурном, лингвистическом и этнографическом аспектах.

ИСТОРИКО-СЛАВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В настоящем разделе авторы ставят своей задачей рассмотреть развитие славистических исследований в СССР, начиная с 1945 г., лишь попутно касаясь работ, вышедших ранее¹. При этом, как уже отмечалось, речь пойдет

⁵ Материалы совещания опубликованы в «Кратких сообщениях Института славяноведения», 1961, № 33—34, стр. 251—260 (далее сокращенно.— КСИС).

¹ Разбор историко-славистических исследований в СССР за предшествующий период см. в статье В. И. Пичеты и У. А. Шустера «Славяноведение в СССР за 25 лет» («Двадцать пять лет исторической науки в СССР», М.—Л., 1942); о последних работах советских славистов, изучавших историю южных славян VI—XV вв., писала недавно К. В. Хвостова («История южных славян в VI—XV вв. в советской исторической литературе 1950—1957 гг.— «Византийский временник», 1959, т. XV; далее сокращенно.— В. В.); см. также статьи В. Д. Королюка и И. А. Хренова, опубликованные в журналах: «Вопросы истории», 1960, № 6 (далее сокращенно — В. И.) и «Slavia», 1963, № 2.

главным образом о работах советских славистов, изучающих историю, культуру и языки западных и южных славян.

Те успехи, которых достигло советское славяноведение, и в частности Институт славяноведения, были в значительной мере подготовлены научной, общественной и преподавательской деятельностью в 30-х годах таких выдающихся славистов, как академики Б. Д. Греков, Н. С. Державин, В. И. Пичета, к которым в годы второй мировой войны присоединился приехавший в СССР замечательный чешский ученый З. Р. Неедлы. С именами этих ученых неразрывно связан начавшийся в конце 30-х годов подъем советского славяноведения. Именно они стояли у колыбели Института славяноведения, были инициаторами его создания, отдавали много сил и времени подготовке молодых ученых-славистов. Исключительно видную роль в развитии в СССР историко-славистских исследований сыграли также академик Ю. В. Гольте, проф. Н. Н. Грацианский, а также крупный советский историк академик М. Н. Тихомиров.

Многие из тех, кто работает сейчас в Институте или в других наших славистических учреждениях, начинали свои первые шаги в славистике под непосредственным руководством этих видных ученых старшего поколения. Влияние их сказалось и на самом научном облике советского славяноведения и его центрального учреждения — Института славяноведения и другого славистического центра — кафедры истории южных и западных славян Московского государственного университета. Все эти ученые слависты, за исключением акад. Н. С. Державина, который занимался и вопросами языкоznания, были историками и историками культуры.

В отличие от дореволюционных русских славистических научных центров, Институт славяноведения сложился как историко-филологическое учреждение с заметным преобладанием исторической и историко-культурной проблематики. Такое перемещение центра научных исследований из области филологии в область истории вполне отвечало общим тенденциям развития гуманитарных исследований в нашей стране. Но оно не является единственным и тем более главным, принципиальным отличием советского славяноведения от русской дореволюционной славистики. Перевес исторической тематики обусловли-

вался конкретными условиями развития гуманитарных наук в СССР и научными задачами советского славяноведения. В то же время заметное отставание разработки вопросов славянского языкознания в большой мере было связано с ошибочными представлениями об языке академика Н. Я. Марра и его школы, получившими сильное распространение в нашей лингвистической науке. Преодоление этих ошибок помогло славянскому языкознанию занять соответствующее место в системе славистических дисциплин, не нарушая, впрочем, преобладания в ней основного исторического и историко-культурного направления исследований.

Главное и принципиальное отличие советского славяноведения от дореволюционного состоит прежде всего в том, что оно развивается на основе марксистско-ленинской методологии исследования, оно проникнуто высокими чувствами интернационализма и революционной солидарности между народами. В советском славяноведении полностью отвергнуты и изжиты прежде господствовавшие в русском славяноведении реакционные славянофильские и панславистские концепции.

* * *

Помимо Института славяноведения, научной разработкой славистических проблем в СССР занимаются кафедры истории западных и южных славян, славянской литературы и славянского языкознания Московского, Ленинградского и Львовского университетов. Институт поддерживает постоянные связи со славистами Ленинграда, Киева, Львова, Одессы, Саратова, Воронежа, Харькова, Минска, Вильнюса, Казани и других городов, координирует свои научные усилия с институтами истории, археологии, языкознания, русского языка, Институтом мировой литературы Академии наук СССР, с научными учреждениями Академий наук Украинской, Белорусской и Литовской республик.

Из года в год растут и укрепляются научные контакты советских славистов с научными учреждениями и учеными зарубежных славянских стран, строящих социалистическое общество.

Одной из важных форм научных творческих связей Института славяноведения с научными учреждениями

славянских стран народной демократии является совместная подготовка ряда изданий. Так, Институт славяноведения АН СССР и Институт истории Польской Академии наук готовят совместное издание материалов и документов о восстании 1863—1864 гг. (вышло уже три тома) и многотомное издание документов и материалов по истории советско-польских отношений (вышел первый том). Совместно с Институтом истории Болгарской Академии наук Институт славяноведения работает над изданием документов и материалов, посвященных освобождению Болгарии от турецкого гнета (вышел первый том). Совместно с Институтом языкоznания БАН готовится издание атласа болгарских говоров; в сотрудничестве с Институтом истории Чехословацкой Академии наук ведется издание чешских средневековых хроник. Стало прочной традицией обсуждение трудов советских славистов и ученых славянских стран народной демократии на совместных совещаниях.

Наличие оживленных научных контактов с зарубежной марксистско-ленинской наукой, широкая поддержка, которую оказывали слависты других научных учреждений нашей страны, в большой мере помогли коллективу историков института справиться со сложнейшей задачей по написанию больших, синтетических работ по истории зарубежных славянских стран.

Необходимость создания таких капитальных, построенных на основе марксистско-ленинской методологии обобщающих трудов чувствовалась в нашей стране уже давно. Это диктовалось также и интересами развития нашей отечественной исторической науки. Исторический процесс в нашей стране так тесно связан с историческим развитием соседних зарубежных славянских стран, что разработка вопросов их прошлого прямо отвечает задачам дальнейшего изучения прошлого нашей страны.

К написанию обобщающих работ по истории отдельных славянских стран приступили советские слависты-историки старшего поколения. Академик Н. С. Державин предпринял попытку дать сводную работу по истории Болгарии². Над большой обобщающей работой по истории Польши трудился акад. В. И. Пичета; к сожале-

² Н. С. Дер жа вин. История Болгарии, т. 1—4. М.—Л., 1945—1948.

нию, эта работа не была им завершена. Над сводным трудом по истории Чехии работал проф. З. Р. Неедлы, выступивший вместе с тем с большой статьей, посвященной формированию словацкого народа³.

Важно подчеркнуть, что одной из первых работ, осуществленных еще очень молодым тогда коллективом Института славяноведения под руководством акад. В. И. Пичеты, была популярная «История Чехии»⁴. Само собой разумеется, однако, что популярные работы не могли заменить больших, рассчитанных на длительное обращение в науке сводных трудов по истории славянских стран.

С конца 1948 г. создание синтетических работ по истории зарубежных славянских народов стало основной, важнейшей задачей коллектива историков и историков литературы Института славяноведения, определившей на целые годы его лицо как научного учреждения. Это была очень сложная и трудоемкая проблема, разрешить которую, как показал опыт советской исторической науки, можно было только коллективными усилиями многих славистов. Поэтому в написании обобщающих работ по истории славянских стран приняли участие не только специалисты Москвы, но и слависты Ленинграда, Киева, Львова, Саратова и Алма-Аты и других городов. Особенно сложной эта задача была потому, что советские слависты начали свою работу над обобщающими трудами еще до того, как соответствующие марксистско-ленинские сводные труды стали издаваться в странах народной демократии. Им приходилось широко использовать научное наследство буржуазной историографии, так как многие кардинальные проблемы не были еще предметом монографического исследования марксистско-ленинской науки.

В настоящий момент Институт славяноведения завершил эту огромную работу. Полностью закончена работа над созданием двухтомной «Истории Болгарии»⁵, трехтомной «Истории Польши»⁶ и трехтомной «Истории Чехословакии»⁷. Несколько задержалась подготовка «Истории

³ З. Р. Неедлы. История политического формирования словацкого народа. «Исторический журнал», 1942, № 7.

⁴ История Чехии, М., Госполитиздат, 1947.

⁵ История Болгарии, т. 1, М., 1954; т. 2, 1955.

⁶ История Польши, т. 1, М., 1954 (2-е из.— 1956); т. 2, 1956, т. 3, 1958.

⁷ История Чехословакии, т. I, М., 1956; т. II, 1959; т. III, 1960.

Югославии», но уже в 1957 г. в Институте оказалось достаточно квалифицированных сил, чтобы в плотную приступить к подготовке этого издания. В настоящее время уже издана двухтомная «История Югославии»⁸. Большую помощь в подготовке этих изданий оказали ученые славянских стран, неоднократно принимавшие участие в их обсуждении.

Активное участие историки-слависты принимали и в создании больших коллективных изданий, осуществляемых другими институтами Академии наук СССР. Речь идет о таких коллективных трудах, как двухтомная «История культуры древней Руси», многотомные «Очерки истории СССР», «История Москвы», капитальный многотомный труд советских историков — «Всемирная история», двухтомная «Революция 1848 г.», учебники для высших учебных заведений по истории СССР, средних веков и нового времени, энциклопедические издания.

Обобщающие коллективные работы советских историков и литераторов по истории зарубежного славянства рисуют широкую картину славянского прошлого, причем материал располагается таким образом, что изложение становится все более подробным по мере приближения к современности. И это составляет, бесспорно, одну из весьма характерных черт работ, выполненных советскими историками, в отличие от аналогичных по типу работ буржуазных ученых.

Опираясь на марксистско-ленинскую методологию исследования, авторы советских трудов по истории славянских стран стремились прежде всего выявить те общеисторические закономерности, которые лежали в основе развития славянских народов, то общее, что объединяет славян со всеми народами земного шара. Вместе с тем обращалось пристальное внимание и на специфику исторического развития каждого из изучаемых народов, на те особенности экономических, политических и культурных процессов, которые формируют своеобразный национальный облик истории любого народа.

В задачи советских славистов входило показать самостоятельность основных социально-экономических процессов в истории славянских стран, выявить их внутреннюю закономерность. Поэтому большое внимание уделялось таким вопросам, как формирование классового об-

⁸ История Югославии, т. I—II. М., 1963.

щества и образование государственности, эволюция феодальной ренты, зарождение и развитие капиталистических отношений.

Особенно большое значение придавалось исследованию национально-освободительной борьбы славянских народов, их борьбы против феодального и капиталистического гнета, изучению многовековых межславянских связей, великих традиций совместной с русским народом революционной борьбы славян за национальную и социальную свободу.

Важной особенностью издаваемых Институтом славяноведения коллективных обобщающих работ по истории славянских стран является тот факт, что, осмыслия исторически прошлое того или иного славянского народа, советские слависты пользовались не только сравнительным западноевропейским материалом, как это делалось обычно ранее, но и привлекали для сравнения факты восточноевропейского, прежде всего восточнославянского исторического процесса. Замечание это в полной мере относится и к изданным в СССР обобщающим трудам по истории культуры западных и южных славян.

Работы по истории Болгарии, Польши и Чехословакии, судя по имеющимся откликам на них в СССР и за рубежом, в основном верно решили задачи такого рода исследований. В ходе написания их перед коллективом советских историков-славистов яснее стали вырисовываться задачи предстоящих исследований, наметились новые, неразработанные темы.

Вместе с тем накопившийся опыт дал возможность создавать коллективные работы нового типа, предназначенные для преподавания в средней школе и высших учебных заведениях.

Так появилось крупное коллективное обобщающее издание «История южных и западных славян»⁹, являющееся первым опытом создания учебника по истории славянских народов для советских вузов. Учебник написан коллективом кафедры западных и южных славян Московского университета при сотрудничестве ряда работников Института славяноведения. Одновременно группой ленинградских историков-славистов было подготовле-

⁹ История южных и западных славян. Изд. МГУ, 1957.

но соответствующее пособие для учителей средней школы¹⁰.

Хотя настоящая глава посвящена характеристике исследований советских историков-славистов, однако, говоря об обобщающих трудах, нельзя не сказать и о некоторых работах общего характера по истории культуры зарубежного славянства. Здесь прежде всего следует назвать большой коллективный труд, вышедший уже из печати, — «Очерки болгарской литературы XIX—XX вв.»¹¹ В настоящее время издана аналогичная работа по истории чешской литературы (М., 1963). Перед коллективом славистов-литературоведов стоит задача написания сводных трудов по польской, словацкой и югославской литературе¹².

Из других областей славянской культуры больше всего «повезло» музыке. Речь идет о сводных трудах по истории чешской и польской музыкальной культуры, написанных И. Ф. Бэлзой¹³, который опубликовал также монографии о Дворжаке (1949), Карловиче (1951), Шимановской (1956), Новаке (1958), Шопене (1960) и Зарембском (1960). Заслуживает внимания общий очерк истории болгарского театра, принадлежащий перу безвременно скончавшегося сотрудника Института славяноведения К. Н. Державина¹⁴. Следует упомянуть также выдержанную несколько изданий монографию А. А. Соловцова о Шопене¹⁵ и книгу З. Гулинской о Сметане.

¹⁰ Очерки истории южных и западных славян. Л., 1957.

¹¹ Очерки болгарской литературы XIX—XX вв. М., 1959.

¹² Необходимо отметить, что создание таких трудов облегчается тем, что в СССР уже появился ряд исследований о классиках славянских литератур. Таковы, например, монографии о Мицкевиче И. К. Горского (1955), М. С. Живова (1956) и С. С. Советова (1956) и др.

¹³ И. Ф. Бэлза. Очерки развития чешской музыкальной классики. М.—Л., 1951; его же. История чешской музыкальной культуры, т. I. М., 1959; его же. История польской музыкальной культуры, т. I. М., 1954; т. II, 1957.

¹⁴ К. Н. Державин. Болгарский театр. Очерки истории. М.—Л., 1950.

¹⁵ Новое (третье) издание вышло в 1960 г. Нужно сказать, что советская литература о Шопене настолько велика, что ей следовало бы посвятить особый раздел в такого рода работе, как наша. Из наиболее интересных советских исследований о творчестве Шопена упомянем еще выдержанную три издания в СССР и переведенную на польский и чешский языки книгу В. Пасхалова «Шопен и польская народная музыка» (А., 1949) и большую монографию Ю. А. Кремлева «Фредерик Шопен. Очерк жизни и творчества» (М.—Л., 1949).

Над проблемами истории архитектуры и градостроительства в славянских странах успешно работают О. А. Швидковский и В. И. Кудряшов. Несколько статей о чешском изобразительном искусстве опубликовала Л. А. Жадова, о польском — Л. И. Тананаева.

* * *

Переходим к характеристике основных проблем, разрабатывающихся советскими историками-славистами в последнее время.

Одной из таких основных проблем является проблема славянского этногенеза. К сожалению, приходится констатировать, что именно в области славянского этногенеза как коллективом Института славяноведения, так и вообще советскими славистами сделано еще недостаточно. О проблемах славянского этногенеза писалось, правда, довольно много в 30-е и особенно в 40-е годы. В спорах по проблеме славянского этногенеза принимали активное участие такие исследователи, как Н. С. Державин, М. И. Артамонов, А. Д. Уdal'цов, В. И. Пичета, С. П. Толстов, П. Н. Третьяков и др. Упрочившиеся, однако, в нашей науке ошибочные взгляды Н. Я. Марра являлись основным препятствием, мешавшим успеху этногенетических исследований.

Поэтому несколько лет назад главной задачей в этой области была тщательная критика этногенетических построений, основанных на взглядах Н. Я. Марра, решительная борьба с его немарксистскими взглядами. Больше других в поисках правильного подхода к решению проблем славянского этногенеза сделали, разумеется, археологи¹⁶. Но активное участие в них приняли и лингвисты, в том числе сотрудники Института славяноведения¹⁷.

В настоящее время появились уже и первые опыты работ, ставящих своей целью проследить в целом происхождение славян и использующих не только восточно-, но и западнославянский материал. Такая попытка сделана, в

¹⁶ Против вульгаризации марксизма в археологии, М., 1953.

¹⁷ См. «Ученые записки Института славяноведения», т. III, 1951 (далее сокращенно — УЗИС).

частности, в книге П. Н. Третьякова¹⁸ и в брошюре М. И. Артамонова¹⁹. Совершенно очевидно, что в предлагаемых советскими славистами схемах славянского этногенеза много еще спорного и неясного, тем более, что до последнего времени строились они преимущественно на восточнославянском археологическом материале, без достаточной координации исследовательских усилий историков, археологов и лингвистов.

Одним из спорных и неясных вопросов славянского этногенеза является вопрос о древней балто-славянской общности. Именно ему, а также вопросам славянской топонимики посвящают свои работы сотрудники Института славяноведения, выпустившие недавно специальный сборник статей о славянском этногенезе и древних балто-славянских связях²⁰. Для древнейшей истории славян бесспорный интерес представляют и некоторые этимологические исследования советских славистов²¹. Констатируя заметное отставание в разработке проблем славянского этногенеза в нашей славистике от славистики польской и чешской, следует, однако, ожидать усиления темпов работы в этой области уже в ближайшее время. Это одна из первоочередных задач нашей науки.

Больших научных успехов достигли советские историки-слависты и византинисты в изучении проблемы славянских передвижений V—VII вв. н. э. В результате их исследований выяснилась огромная прогрессивная роль раннего славянства в гибели отжившей рабовладельческой формации в Юго-Восточной Европе и переходе к передовому тогда феодальному способу производства. Славянская община на Балканах сыграла такую

¹⁸ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953.

¹⁹ М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950; см. также: Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР. М., 1956; Нариси стародавньої історії Української РСР, Київ, 1957; С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961. Вопросы происхождения славян рассматриваются автором в обширном введении.

²⁰ Вопросы славянского языкознания, вып. З. М., 1958; см. также: В. Н. Топоров. Очерки изучения древнейших балто-славянских отношений. УЗИС, 1959, т. XVII.

²¹ См., например: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.

же роль в синтезе, давшем начало феодализму в Европе, как германская на территории Италии, Галлии и Испании. Известную, хотя и не столь значительную роль, как на юго-востоке, сыграли славянские передвижения и в крушении западного очага рабовладения — Западно-Римской империи.

В изучении этой проблемы особенно важное значение имели труды В. А. Мишулина²²; много сделали для ее разрешения Б. Д. Греков²³, П. Н. Третьяков²⁴. Из византинистов следует назвать Е. Э. Липшиц, а также И. В. Левченко и Н. В. Пигулевскую²⁵, а из археологов — М. Ю. Брайчевского²⁶. В последнее время этой проблемы касались А. П. Каждан и Г. Г. Литаврин в своей книге о многовековой истории славяно-византийских отношений²⁷. Нельзя, однако, не отметить, что если проблема социально-экономического синтеза довольно подробно исследована для истории византийского феодализма, то для истории феодальных отношений у балканских славян она фактически еще совершенно не разработана.

²² В. А. Мишулин. Древние славяне и судьбы Восточно-Римской империи. «Вестник древней истории», 1939, № 1 (далее — ВДИ).

²³ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. II. М., 1959.

²⁴ П. Н. Третьяков. Указ. соч.

²⁵ Е. Э. Липшиц. Византийское крестьянство и славянская колонизация. «Византийский сборник», М.—Л., 1945; её же. Славянская община и ее роль в формировании византийского феодализма. В. В., т. I, 1947; её же. Очерки истории византийского общества и культуры. VIII — первая половина IX в. М.—Л., 1961; И. В. Левченко. История Византии. М.—Л., 1940; Н. Пигулевская. Сирийские источники по истории народов СССР. М.—Л., 1941. Сопоставление литературы вопроса по рассмотренной проблеме читатель найдет в статье В. И. Пичеты «Славяно-византийские отношения в VI—VII вв. в освещении советских историков (1918—1947)» (ВДИ, 1947, № 3), а также в статье В. Т. Сиротенко «Освещение славяно-византийских отношений VI—VII вв. в советской исторической науке» («Учебные записки Пермского гос. ун-та», т. 12, вып. 4, 1959).

²⁶ М. Ю. Брайчевский. Об «антах» Псевдомаврикия. «Советская этнография», 1953, № 2.

²⁷ А. П. Каждан, Г. Г. Литаврин. Очерки истории Византии и южных славян. М., 1958. А. П. Каждану принадлежит и обзор концепций зарубежной буржуазной историографии по этой проблематике («Современная буржуазная историография о славянских переселениях в Византию». КСИС, 1953, № 11).

Капитальные исследования академика Б. Д. Грекова и целой плеяды таких видных советских историков, как М. Н. Тихомиров, Б. А. Рыбаков, С. В. Юшков, П. Н. Третьяков и др., посвященные Киевской Руси, явились большим стимулом для постановки в нашей славистической литературе проблемы образования феодальной государственности у западных и южных славян. Заслугой советских историков является решительное опровержение норманской теории и всякой иной теории завоевания. Отметив самобытные истоки славянской цивилизации, вскрыв классовый характер древнеславянских государств, объяснив социально-экономические причины появления у славян государственности, советские историки лишили какой бы то ни было почвы всякие теории об иноземном происхождении государства у славян. Вместе с тем была проанализирована раннефеодальная структура возникших славянских государств, обоснован тезис о том, что в своем историческом развитии славянские народы миновали рабовладение как социально-экономическую формацию.

Внимательному анализу в советской славистической литературе подвергался и вопрос о роли внешнего фактора — иноземной агрессии — для интенсивности развития процесса образования государства²⁸.

Всеми этими сложными вопросами на примере западных и южных славян много занималось уже старшее поколение советских историков-славистов. Упомянем труды В. И. Пичеты, посвященные образованию древнепольского, Ю. В. Готье — сербского государства²⁹. Вопросами древнечешского государства занимался З. Р. Неедлы. С. А. Никитин занимался вопросами происхождения болгарской государственности³⁰. Проблемы образования раннефеодальной славянской государственности ставились и Н. С. Державиным³¹. Важный памятник для истории

²⁸ В. Д. Королюк. Некоторые спорные и нерешенные вопросы истории славянских народов в раннефеодальный период (VII—XI вв.). КСИС, 1961, № 33—34.

²⁹ Эти работы опубликованы в «Славянском сборнике» (Госполитиздат, 1947).

³⁰ С. А. Никитин. Образование болгарского народа и возникновение болгарского государства. «Вестник МГУ», 1952, № 1.

³¹ Н. С. Державин. Славяне в древности [б. м., б. г.].

образования болгарской государственности издал акад. М. Н. Тихомиров³². Много работал над вопросами образования государственности у чехо-моравских и словацких племен Н. П. Грацианский³³. Вопросами образования государства у полабо-прибалтийских славян занимались В. Д. Королюк³⁴ и З. М. Черниловский³⁵, а также С. Г. Григорьев³⁶. Специально над темой образования государства у польских племен работал В. Д. Королюк, издавший книгу «Древнепольское государство»³⁷. Судьбой македонских славян в раннефеодальный период их истории занималась Р. А. Наследова³⁸.

Вопросы образования государства у славян неразрывно связаны с проблемой феодализации общества, с историей крестьянства. Историей польского крестьянства в период образования древнепольской государственности специально занималась Л. В. Разумовская, доведшая свое исследование до начала XV в.³⁹. Советскими историками был написан и ряд работ по истории крестьянства в южнославянских странах, охватывающих, главным образом, период XI—XIV вв.⁴⁰. Разрабатывались и важные вопросы классовой борьбы

³² М. Н. Тихомиров. Именник болгарских князей. ВДИ, 1946, № 3.

³³ Н. П. Грацианский. Славянское царство Само. «Исторический журнал», 1943, № 5-6; его же. Деятельность Константина и Мефодия в Великоморавском княжестве. В.И., 1945, № 1.

³⁴ В. Д. Королюк. Государство Готшалка (XI в.). «Славянский сборник», Госполитиздат, 1947.

³⁵ З. М. Черниловский. Возникновение раннефеодального государства у прибалтийских славян. М., 1959.

³⁶ С. Г. Григорьев. Ободритское государство и восстание славян против немецко-католического ига в 1066 г. «Ученые записки Дальневосточного гос. ун-та», вып. II. Серия общественно-политических наук. Владивосток, 1958.

³⁷ В. Д. Королюк. Древнепольское государство. М., 1957.

³⁸ Р. А. Наследова. Македонские славяне конца IX — начала X в. по данным Иоанна Комениусы. В. В., 1956, т. XI.

³⁹ Л. В. Разумовская. Очерки по истории польских крестьян с древних времен до XV в. М.—Л., 1958.

⁴⁰ Г. Г. Литаврин. Болгария и Византия в X—XII вв. М., 1960; его же. Крестьянство Западной и Юго-Западной Болгарии в XI—XII вв. УЗИС, 1956, т. XIV; С. П. Бобров. К вопросу об условном землевладении в Сербии XIII—XIV вв. «Славянский сборник», вып. 1, Воронеж. 1958; А. Х. Соколовский.

в деревне и городе у западных и южных славян, как в период раннего, так и в эпоху созревшего феодализма⁴¹.

Трагическая судьба полабо-прибалтийского славянства, павшего под ударами германской феодальной агрессии на восток, являлась предметом многолетнего изучения Н. П. Грацианского, который написал на эту тему ряд интересных исследований⁴². Работал в этой области и Н. С. Державин. В своих трудах по истории германской агрессии на восток судеб полабо-прибалтийского славянства неизменно касались З. Р. Неедлы и В. И. Пичета.

С работами, поднимающими вопросы средневековой истории полабо-прибалтийского славянства, его борьбы за независимость, стало выступать и более молодое поколение советских историков⁴³. К сожалению, очень мало сделано еще по истории сербов-лужичан. Здесь можно было бы упомянуть только небольшую книжку М. И. Семиряги «Лужичане»⁴⁴.

В результате разработки вопросов немецкой феодальной и империалистической агрессии на восток в печати

Феодальная вотчина в южной Сербии XII—XIV вв. КСИС, 1955, № 17; Е. А. Ефремов. Формирование феодальной собственности на землю в далматинской Хорватии в X—XI вв. УЗИС, 1960, т. XXI; П. Ф. Шевченко. Об основных формах феодальной собственности и организации феодального хозяйства Болгарии в XIII—XIV вв. «Ученые записки Шахтинского гос. пед. ин-та», т. III, вып. 2, 1960.

⁴¹ В. Д. Королюк. Летописное известие об крестьянском восстании в Польше в 1037—1038 гг. «Академику Б. Д. Грекову ко дню семидесятилетия», М., 1952; Г. Г. Литаврин. Восстание болгар и влахов в Фессалии в 1066 г. В. В., 1956, т. XI; А. Е. Москаленко. Данные хроники Фомы Сплитского о классовой борьбе в Сплите в конце XII — первой половине XIII в. «Славянский сборник», вып. 1, Воронеж, 1958; А. И. Виноградова. К вопросу о возникновении городов в Чехии. УЗИС, 1954, т. X; ее же. Чешские цехи XIV — начала XV в. и социальная борьба внутри них. УЗИС, 1956, т. XI.

⁴² Н. П. Грацианский. Борьба славян и народов Прибалтики с немецкой агрессией в средние века. М., 1943; его же. Карл Великий и славяне. «Исторический журнал», 1945, № 3; его же. Крестовый поход 1147 г. против славян и его результаты. В. И., 1946, № 2—3.

⁴³ Я. П. Зинчук. Борьба западных славян с наступлением немецко-датских феодалов на южное побережье Балтийского моря в X—XII вв. КСИС, 1957, № 21; его же. Борьба западных славян против агрессии немецко-датских феодалов в конце XII в. УЗИС, 1959, т. XVIII.

⁴⁴ М. И. Семиряга. Лужичане. М.—Л., 1955.

появился ряд статей и исследований. Обзорная работа на эту тему принадлежит Н. С. Державину⁴⁵. Очень большой материал содержит и изданный в 1944 г. специальный сборник статей под редакцией З. Р. Неедлы⁴⁶.

Главная заслуга в развитии той области советской славистики, которая занимается сравнительно-историческим изучением памятников средневекового славянского права, принадлежит Б. Д. Грекову. Еще при жизни он успел опубликовать две большие работы о памятниках южнославянского права: «Винодол»⁴⁷ и «Полица»⁴⁸. В недавно изданном первом томе его «Избранных трудов»⁴⁹ появилась работа о третьем изученном им правовом памятнике — «Польской правде» (XIII в.). Здесь же переизданы и два названных выше его исследования. Предварительные итоги сравнительно-исторического изучения этих памятников славянского права были суммированы Б. Д. Грековым в известной статье «Русская Правда и ее славянское окружение»⁵⁰, в которой убедительно показана плодотворность именно сравнительно-исторического метода анализа такого рода памятников, анализа, позволяющего глубже и полнее изучить параллельные, хотя и не всегда синхронно происходившие, процессы социально-экономического развития в отдельных славянских странах. Особенно интересен в этом смысле произведенный автором анализ термина «верь».

В 1961 г. издали текст древнейшего памятника славянского права — «Закона судного людем» с учетом всех имеющихся рукописных списков М. Н. Тихомиров и Л. В. Милов. Первый том этого капитального издания — «Закон судный людем краткой редакции». Второй том содержит тексты памятника пространной и сводной редакции. Из других исследований в области славянского

⁴⁵ Н. С. Державин. Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943.

⁴⁶ Вековая борьба западных и южных славян против немецкой агрессии. М., 1944.

⁴⁷ Б. Д. Греков. «Винодол». М.—Л., 1948.

⁴⁸ Б. Д. Греков. «Полица». М., 1951.

⁴⁹ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. I. М., 1957.

⁵⁰ Б. Д. Греков. Русская Правда и ее славянское окружение. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1952, № 2; ср. его же: Большая семья и верь Русской Правды и Полицкого статута. В. И., 1951, № 8.

права упомянем еще работу Г. Э. Санчука о чешском законнике Карла IV⁵¹.

Второе исследование Г. Э. Санчука «К вопросу о положении королевской власти в первой половине XIV в.»⁵² открывает собой особую группу работ советских славистов, посвященную характеристике гуситского революционного движения в Чехии. Советских историков в первую очередь интересовали социально-экономические предпосылки Крестьянской войны начала XV в. Этой теме посвящено исследование Б. Т. Рубцова⁵³. Специально исследовались взгляды революционных вождей чешской реформации — Яна Гуса и Иеронима Пражского⁵⁴. Революционная идеология тaborитов привлекла внимание видного знатока немецкой реформации М. М. Смирина⁵⁵. Ею занимался П. И. Резонов⁵⁶. Вместе с тем исследовалась и политическая программа правого крыла гуситов⁵⁷. В то время как З. Р. Неедлы в бытность свою в СССР занимался вопросами русско-чешских связей гуситской эпохи⁵⁸, А. И. Озолина и М. М. Смирина интересуют главным образом отклики на гуситское движение в Западной Европе⁵⁹.

⁵¹ Г. Э. Санчук. Чешский законник *Majestas Carolina* (1355) как исторический источник для изучения начала образования чешского национального государства. КСИС, 1951, № 2.

⁵² УЗИС, 1957, т. XV.

⁵³ Б. Т. Рубцов. Эволюция феодальной ренты в Чехии (XIV — начало XV в.). М., 1958.

⁵⁴ А. С. Сazonova. Социально-политические и национальные требования в учении Яна Гуса. УЗИС, 1958, т. XVI; Б. М. Руколь. Письмо Поджио Браччиолини к Леонарду Аretинскому и рассказ Младеновица как источники об Иерониме Пражском. УЗИС, 1951, т. III.

⁵⁵ М. М. Смирин. Народная реформация Томаса Мюнцера и Великая крестьянская война. М.—Л., 1947.

⁵⁶ П. И. Резонов. Западные и южные славяне XII—XV вв. М., 1949.

⁵⁷ А. И. Озолин. Социально-политические требования бургерской оппозиции (чащников) в гуситском движении. «Научный ежегодник Саратовского ун-та», 1958.

⁵⁸ З. Р. Неедлы. Гуситы и русские. «Исторический журнал», 1941, № 10—14.

⁵⁹ А. И. Озолин. Гуситы в Турнэ. К вопросу об откликах на чешскую крестьянскую войну в Европе. УЗИС, 1952, т. VI; его же. О международном значении чешской Крестьянской войны XVI в. В. И., 1955, № 5; М. М. Смирин. Революционные отклики гуситских войн в Германии. «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1951, № 4.

В советской литературе есть и сводный очерк истории гуситских войн Б. Т. Рубцова⁶⁰. В связи с характеристикой исследований, посвященных гуситскому революционному движению, можно упомянуть небольшую группу работ советских авторов о Грюнвальдской битве 1410 г.⁶¹ Советских историков интересовали главным образом вопросы исторического значения Грюнвальдской битвы, ее места в истории вековой борьбы славянских народов с немецким феодальным натиском на восток, участия в битве русских воинов.

Отправным пунктом для работ советских историков-славистов по проблеме перехода к фольварочнобарщинной системе эксплуатации крестьянства в западнославянских странах послужили исследования Б. Д. Грекова, подчеркнувшего значение внутреннего экономического фактора в этом процессе⁶². Судя по недавно переизданной работе В. И. Пичеты об аграрной реформе Сигизмунда-Августа⁶³ и его незавершенной и оставшейся в рукописи «Истории Польши», такой взгляд им не разделялся. Он подчеркивал решающее значение в процессе перехода к фольварку и барщине внешнего рынка. Точка зрения Б. Д. Грекова была подвергнута в последнее время критике и со стороны С. Д. Сказкина⁶⁴. Развернувшуюся, таким образом, в советской исторической науке дискуссию нельзя еще считать законченной. Дело в том, что переходу к новой системе феодальной эксплуатации крестьян действительно и в Польше и в Чехии пред-

⁶⁰ Б. Т. Рубцов. Гуситские войны (Великая крестьянская война XV в. в Чехии). М., 1955.

⁶¹ Я. Я. Зутис. Грюнвальд — конец могущества Тевтонского ордена. «Исторический журнал», 1941, № 9; Г. Н. Карапет, В. Д. Королюк. К 550-летию Грюнвальдской битвы. В. И., 1960, № 7; Г. Б. Карамзин. Битва при Грюнвальде. Л., 1960; В. Д. Королюк. Историческое значение Грюнвальдской битвы. КСИС, 1961, № 32 и др.

⁶² Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в., кн. 2. М., 1954; см. также его статью «Перестройка сельского хозяйства и судьбы крестьян в Европе XVI в.» («Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1948, № 1).

⁶³ В. И. Пичета. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. М., 1958.

⁶⁴ С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. В. И., 1958, № 2.

шествовал подъем городов и расцвет денежной ренты. Роль внешнего рынка стала особенно заметной и в ряде случаев (исключение составляет Россия) даже решающей, когда процесс перехода находился уже в развитии. Вместе с тем на степень и формы процесса перехода к фольварочно-барщинной системе эксплуатации крестьянства определенное влияние оказывали и такие явления, как относительная немногочисленность городов в Восточной Европе, их экономическая и политическая слабость. Само собой разумеется, эти явления были свойственны центрально- и восточноевропейским странам отнюдь не в одинаковой мере. Кроме того, необходимо учитывать, что переход к барщине и ее господство в XVI—XVIII вв. не было простым, прямолинейным процессом. В конкретных исторических условиях (военная разруха, изменение рыночной конъюнктуры и т. д.) феодалы были вынуждены отказываться от барщины, переводя крестьян на чинш и временно предоставляя им свободу. В разных районах одной и той же страны в зависимости от конкретной обстановки складывались неодинаковые условия для развития барщинного хозяйства.

Опираясь на труды Б. Д. Грекова, вопрос о переходе к барщине и о так называемом втором закрепощении крестьянства в Хорватии XVI в. исследовал Ю. В. Бромлей⁶⁵. В. И. Пичета⁶⁶, Д. Л. Похилевич⁶⁷ и Н. Н. Улащик⁶⁸ изучали развитие фольварочно-барщинной системы на белорусской и литовской территории Речи Посполитой, А. И. Баранович⁶⁹ и Д. Л. Похилевич⁷⁰ — на украин-

⁶⁵ Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV—XVI вв. УЗИС, 1951, т. IV.

⁶⁶ Многочисленные исследования В. И. Пичеты по XVI—XVII вв. изданы Институтом славяноведения в виде отдельного сборника статей: В. И. Пичета. Белоруссия и Литва XV—XVI вв. (Исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития). М., 1961.

⁶⁷ Д. Л. Похилевич. Крестьяне Белоруссии и Литвы в XVI—XVII вв. Изд. Львовского ун-та, 1957.

⁶⁸ Н. Н. Улащик. Кобринская экономия после проведения волочной померы. УЗИС, 1957, т. XIV.

⁶⁹ А. И. Баранович. Магнатское хозяйство на юге Волыни в XVIII в. М., 1955.

⁷⁰ Д. Л. Похилевич. Ломка аграрных отошений на Холмщине в XVI в. УЗИС, 1961, т. XXII.

ской, О. Е. Иванова⁷¹ и И. В. Созии⁷² на собственно польской. По истории Чехии аналогичное исследование проведено Н. М. Пашаевой⁷³ и Н. Ф. Филоненко-Алексеевым⁷⁴. Изучение аграрной истории Словении рассматриваемого времени облегчается благодаря появлению работ И. В. Чуркиной, занимавшейся экономическим развитием словенских земель в XVI в.⁷⁵

Для выяснения предпосылок перехода западнославянских стран к фольварочно-барщинной системе известное значение имеют упомянутые выше работы Л. В. Разумовской и Б. Т. Рубцова по истории польских и чешских крестьян. Историей крестьянского движения в Хорватии и Словении XVI в. специально занимался Ю. В. Бромлей⁷⁶, в Польше XVII в.—О. Е. Иванова⁷⁷ и И. С. Миллер⁷⁸. Последний исследовал также связи польского антифеодального крестьянского движения середины XVII в. с освободительной войной украинского народа 1648—1654 гг.⁷⁹.

⁷¹ О. Е. Иванова. К вопросу об упадке крестьянского хозяйства в Польше во второй половине XVII—первой половине XVIII в. УЗИС, 1952, т. IV.

⁷² И. В. Созин. К вопросу о товарности помещичьего хозяйства южной части Польши в 70—90-е годы XVIII в. УЗИС, 1960, т. XX.

⁷³ Н. М. Пашаева. Формы эксплуатации крестьян в чешском поместье XVII. (К вопросу об особенностях вторичного закрепощения крестьянства в Чехии). УЗИС, 1958, т. XVI.

⁷⁴ Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Некоторые общие и специфические черты вторичного закрепощения в Чехии. В. И., 1960, № 3.

⁷⁵ И. В. Чуркина. Горная промышленность Словении в XVI в. УЗИС, 1960, т. XX; с е ж е. Некоторые черты экономического развития словенских земель в XVI в. «Средние века», 1961, т. XIX.

⁷⁶ Ю. В. Бромлей. Восстание хорватских и словенских крестьян 1573 г. УЗИС, 1955, т. XI; е г о ж е. Крестьянское восстание 1573 г. в Хорватии. М., 1959. См. также: Ю. В. Бромлей, В. П. Шупарин. К вопросу о крестьянском переходе в позднесредневековой Хорватии (до конца XVI в.). КСИС, 1960, № 29.

⁷⁷ О. Е. Иванова. Положение крестьян в Новотаргском старстве в XVII в. и восстание 1630 г. «Ученые записки ЛГУ», т. 127, 1950.

⁷⁸ И. С. Миллер. Крестьянское восстание в Подгалье в 1651 г. УЗИС, 1950, т. II; е г о ж е. Крестьянское восстание в Великой Польше в 1651 г. УЗИС, 1951, т. III.

⁷⁹ И. С. Миллер. Освободительная война 1648—1654 гг. и польский народ. В. И., 1954, № 1.

Этой же темой занимались Е. С. Компан⁸⁰. Антифеодальная борьба чешского крестьянства в XVII в. была предметом изучения Н. Ф. Филоненко-Алексеева⁸¹.

Само собой разумеется, что проблематика истории и связей России с южными и западными славянами (в эпоху феодализма до конца XVIII в.) должна была найти и нашла довольно значительную разработку в обобщающих коллективных трудах по истории славянских стран. Что касается монографического исследования отдельных самостоятельных тем этой очень широкой проблемы, то здесь следует особенно подчеркнуть заслуги старшего поколения наших славистов. Теме связей России с южным славянством указанного времени посвящена работа М. Н. Тихомирова⁸². В «Славянском сборнике» была опубликована и статья С. К. Богоявленского, характеризующая русско-сербские отношения XVII—XVIII вв.⁸³ Специально племенным и культурным связям восточного славянства с южным посвятил одну из своих монографий Н. С. Державин⁸⁴.

Как уже отмечалось, проблемы чешско-русских связей в эпоху гуситизма разрабатывал, находясь в Москве, З. Р. Неедлы; в настоящее время над ними работает А. И. Озолин; В. И. Пичета много работал в области литовско-русско-польских отношений середины XVI в.⁸⁵ На характеристике русско-польских отношений второй половины XVI в. останавливались В. Д. Королюк и Л. А. Дербов⁸⁶. А. А. Савич и И. В. Галактионов занима-

⁸⁰ Е. С. Компан. Значение освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. для антифеодальных движений в Польше. КСИС, 1954, № 13.

⁸¹ Н. Ф. Филоненко-Алексеев. Второе закрепощение в Чехии и крестьянское восстание 1679—1680 гг. КСИС, 1958, № 23.

⁸² М. Н. Тихомиров. Исторические связи русского народа с южными славянами с древнейших времен до половины XVII в. «Славянский сборник», М., Госполитиздат, 1947.

⁸³ С. К. Богоявленский. Связи между русскими и сербами в XVII—XVIII вв., там же.

⁸⁴ Н. С. Державин. Племенные и культурные связи болгарского и русского народов. М.—Л., 1944.

⁸⁵ В. И. Пичета. Польша на путях колонизации Украины и Белоруссии. Люблинская уния и ее политические последствия. «Исторические записки», 1940, № 7. См. его же; Белоруссия и Литва XV—XVI вв.

⁸⁶ В. Д. Королюк. Ливонская война. М., 1954; Л. А. Дербов. Борьба Русского государства за Прибалтику и

лись изучением польско-русских отношений XVII в.⁸⁷ Польско-русско-крымские отношения с конца XV и до конца XVII в. являются предметом исследования И. Б. Грекова, подготовившего монографию на эту тему и до того опубликовавшего две работы по истории польско-русских отношений второй половины XVII в.⁸⁸

Вполне понятно, что вышедшая в последние годы огромная литература по истории русско-украинских отношений в период Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. не могла обойти польской проблематики. Появились, однако, и специальные исследования, посвященные важной теме польско-русских отношений этого времени. Речь идет о статьях недавно скончавшегося Г. М. Лызлова⁸⁹.

Дополтавский период русско-польских отношений в XVIII в. получил освещение в статьях В. Д. Королюка, опубликованных в «Ученых записках Института славяноведения»⁹⁰ и в небольшой работе А. П. Глаголовой⁹¹.

Белоруссию в 60-е годы XVI в. «Научный ежегодник Саратовского ун-та», 1955; е г о ж е. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576). «Ученые записки Саратовского ун-та», т. XXXIX, 1954.

⁸⁷ А. А. Савич. Андрушівське перемир'я 1667 г. «Наукові записки АН УРСР». Інститут історії та археології, кн 2, 1946; И. В. Галактионов. Россия и Польша накануне переговоров в Андрушове. УЗИС, 1959, т. XVIII; е г о ж е. Из истории русско-польского сближения в 50—60-х годах XVII в. Андрушовское перемирие 1667 г.). Изд. Саратовского ун-та, 1960; е г о ж е. К истории Андрушовского перемирия 1667 г. «Исторический архив», 1959, № 6; е г о ж е. Молдавское посольство А. Л. Ордина-Нащокина в 1642—1643 гг. «Ученые записки Саратовского ун-та», т. XXVI, 1958.

⁸⁸ И. Б. Греков. «Вечный мир» 1686 г. КСИС, 1951, № 2; е г о ж е. Из истории совместной борьбы Украины и России за осуществление решений Переяславской рады (1657—1659 гг.). «Воссоединение Украины с Россией», М., 1954.

⁸⁹ Г. М. Лызлов. Польско-русские отношения в начальный период Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. (до Зборовского мира). КСИС, 1958, № 24; е г о ж е. К вопросу о вступлении России в войну с Польшей в 1654 г. «Ученые записки Казахского пед. ин-та», т. XXXIX (20), Алма-Ата, 1959; е г о ж е. Польско-русские отношения в период от Зборовского мира до Земского собора 1651 г. КСИС, 1959, № 27.

⁹⁰ В. Д. Королюк. Избрание Августа II на польский престол и русская дипломатия. УЗИС, 1951 т. III; е г о ж е. Речь Посполитая и подготовка Северной войны. УЗИС, 1951, т. IV; е г о ж е. Речь Посполитая и начало Северной войны. УЗИС, 1952, т. V; е г о ж е. Свидание в Биржах и первые переговоры о польско-

Что касается более ранних периодов, то разрабатываются преимущественно вопросы истории польско-русских и русско-болгарских отношений X—XI вв., а также русско-сербских XVI в.⁹²

Особую группу работ советских славистов образуют исследования, посвященные политическим и экономическим взглядам и общественной деятельности Юрия Крижанича⁹³. Была, правда, сделана попытка изобразить этого выдающегося сторонника идеи славянской взаимности орудием международной реакции⁹⁴, но она была решительно отвергнута советской историографией⁹⁵.

русском союзе. В. И., 1948, № 4; е г о ж е. Начало шведской агрессии против Речи Посполитой в ходе Северной войны (1701—1702). УЗИС, 1952, т. VI; е г о ж е. Русская дипломатия и подготовка вступления Речи Посполитой в Северную войну. УЗИС, 1953, т. VII; е г о ж е. Вступление Речи Посполитой в Северную войну. УЗИС, X.

⁹¹ А. П. Глаголова. Русско-польские отношения накануне Полтавской битвы. КСИС, 1955, № 14.

⁹² П. О. Ка́ртышко́вский. Русско-болгарские отношения во врем балканских войн Святослава. В. И., 1951, № 8; е г о ж е. К истории Балканских войн Святослава. В. В., 1953, т. VII; е г о ж е. К истории балканских походов Руси при Святославе. КСИС, 1955, № 14; М. Н. Тихомиров. Иван Грозный и Сербия. «Доклады и сообщения истор. ф-та МГУ», 1945, № 1; Е. П. Наумов. Из истории русско-сербских средневековых связей. УЗИС, 1963, т. XXVI; В. Д. Королюк. К вопросу об отношениях Руси и Польши в X в. КСИС, 1952, № 9; е г о ж е. Летописные статьи о русско-польском союзе 40-х годов XI в. «Славянский архив», М., 1958; е г о ж е. Русь и Польша в первые 15 лет XI в. УЗИС, 1963, т. XXVI; Н. И. Ильин. Летописная статья 6523 г. и ее источник. М., 1957. Вопросам польско-чешских отношений X в. посвящена статья В. Д. Королюка «Грамота 1086 г. в хронике Козьмы Пражского» (КСИС, 1960, № 29).

⁹³ С. В. Бахрушин. Юрий Крижанич. «Исторический журнал», 1942, № 1—2; В. И. Пичета. Юрий Крижанич и его отношение к русскому государству (1618—1683 гг.). «Славянский сборник», 1947; Б. Д. Дацюк. Юрий Крижанич. Очерк политических и исторических взглядов. М., 1946; А. Л. Гольдберг. Неизвестное сочинение Ю. Крижанича «О преверстие беседа». «Научный бюллетень ЛГУ», 1947, № 19; е г о ж е. Юрий Крижанич о русском обществе XVII в. «История СССР», 1960, № 6; Л. М. Мордухович. Антифеодальная концепция Юрия Крижанича. КСИС, 1958, № 26; е г о ж е. Из рукописного наследства Ю. Крижанича. «Исторический архив», 1958, № 1; е г о ж е. Политические взгляды Ю. Крижанича. «Известия высших учебных заведений». Правоведение, 1962, № 1.

⁹⁴ И. П. Епифанов. Происки Ватикана в России и Юрий Крижанич. В. И., 1953, № 10.

⁹⁵ Л. Н. Пушкарев. Об оценке деятельности Юрия Крижанича. В. И., 1957, № 1.

Надо полагать, что в ближайшее время советские историки-слависты еще более усиленно будут вести разработку проблемы межславянских отношений и связей, используя богатейшие архивохранилища СССР. Следует, впрочем, отметить, что при разработке польско-русских отношений, исключая эпоху раннего феодализма, в нашей литературе явно преобладала тематика политической истории. Вопросы экономических и культурных связей XVI—XVIII вв. разрабатывались совершенно недостаточно. Практически можно было бы назвать лишь несколько работ⁹⁶. Думается, что пришло время исправить это положение.

Изучение проблематики национально-освободительной борьбы южных славян в XIX в. и поддержки, оказываемой этой борьбе русским обществом, русским народом объединило творческие усилия многочисленного коллектива историков-славистов. Паряду с разработкой вопросов национально-освободительного движения и связей России с южнославянскими странами, ведется серьезное изучение вопросов социально-экономического развития славянских стран Балканского полуострова. Социально-экономическое развитие сербских земель в XVIII в., подготовившее взрыв в 1804 г. освободительного движения в Сербии, явилось предметом изучения И. С. Достяна⁹⁷. Она же опубликовала монографию о национально-освободительном движении сербов в XV—XVIII вв.⁹⁸ Темы внутреннего развития южнославянских народов в XIX в. поднимаются в своих работах В. В. Зеленин⁹⁹, Н. Г. Левинтов¹⁰⁰, К. Л. Стру-

⁹⁶ См., например: Е. В. Чистякова. Русский историк А. Т. Лызлов и его книга «Скифская история». «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 1; А. И. Рогов. Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского. «Археографический ежегодник за 1962 г.», М., 1963.

⁹⁷ И. С. Достян. Социально-экономические отношения в сербской деревне пакапуне восстания 1804 г. УЗНС, 1952, т. VI.

⁹⁸ И. С. Достян. Борьба сербского народа против турецкого ига. XV—начало XIX в. М., 1956.

⁹⁹ В. В. Зеленин. Разитие ремесла и промышленности в Сербии в период Первого сербского восстания (1804—1813 гг.). КСИС, 1958, № 23.

¹⁰⁰ Н. Г. Левинтов. Аграрные отношения в Болгарии пакапуне освобождения и аграрный переворот 1877—1879 гг. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», М., 1953.

кова¹⁰¹, В. Г. Карасев¹⁰², В. Н. Кондратьева¹⁰³, В. Д. Конобеев¹⁰⁴, С. И. Седельников¹⁰⁵, В. П. Чорный¹⁰⁶, В. И. Фрейдзон¹⁰⁷, Н. И. Хитрова¹⁰⁸, И. И. Лещиловская¹⁰⁹ и др. Специальные исследования посвятили крестьянской общины в Болгарии и Сербии Л. В. Маркова¹¹⁰ и М. С. Шихарева¹¹¹. Н. И. Казаков касается в своих статьях вопросов русско-сербских и русско-болгарских отношений начала XIX в.¹¹² Для понимания политических

¹⁰¹ К. Л. Струкова. Социально-экономические основы движения за воссоединение в южной Болгарии в 1879—1885 гг. УЗИС, 1956, т. XIV.

¹⁰² В. Г. Карасев. Основные черты социально-экономического развития Сербии в конце 60 — начале 70-х годов XIX в. КСИС, 1952, № 5.

¹⁰³ Н. В. Кондратьева. К истории восстания в Боке Которской в 1689 г. УЗИС, 1958, т. XVI; Новые архивные материалы по истории Объединенной сербской Омладины. УЗИС, 1960, т. XX; се же. К событиям в Градишке в 1873 г. УЗИС, 1963, т. XXVI.

¹⁰⁴ В. Д. Конобеев. Национально-освободительное движение в Болгарии в 1828—1830 гг. УЗИС, 1960, т. XX.

¹⁰⁵ С. И. Седельников. Селянські повстання в 1841—1850 рр. в Болгарії. «Наукові записки Харківського держ. пед. ін—ту», Історична серія, т. XV, Київ — Харків, 1954; е е же. Система турецкої політичної сваволі в Болгарії в 50—60-х роках XIX ст. Там же, т. XVII, Київ, 1955.

¹⁰⁶ В. П. Чорний. Болгарська еміграція в період підготовки квітневого повстання 1876 року. Низання загалької історії. Львів, 1959.

¹⁰⁷ В. И. Фрейдзон. К характеристике положения на хорватско-славонской военной границе в 50 — начале 70-х годов XIX в. УЗИС, 1963, т. XXVI.

¹⁰⁸ Н. И. Хитрова. К вопросу об экономическом развитии Черногории в конце XIX и начале XX в. УЗИС, 1963, т. XXVI.

¹⁰⁹ И. И. Лещиловская. К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и развитии капиталистических отношений в помещичьем хозяйстве Хорватии и Славонии в конце XVIII — первой половине XIX в. УЗИС, 1959, т. XVIII; се же. Отмена крепостного права в Хорватии и Славонии в 1848 г. «Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы». 1959. М., 1961; се же. Из истории городского ремесла в Хорватии и Славонии в конце XVIII — первой половине XIX в. «Генезис капитализма в промышленности», М., 1963; се же. Из истории торговли Хорватии и Славонии в конце XVIII — первой половине XIX в. УЗИС, 1962, т. XXIV.

¹¹⁰ Л. В. Маркова. Сельская община у болгар в XIX в. «Труды Института этнографии». Новая серия, т. 62.

¹¹¹ М. С. Шихарева. Сельская община у сербов в XIX — начале XX в. Там же.

¹¹² Н. И. Казаков. М. П. Кутузов и национально-освободительное движение народов Балкан в период русско-турецкой

связей России с южнославянским освободительным движением в 60—80-е годы XIX в. важное значение имеют труды С. А. Никитина¹¹³, И. В. Козьменко¹¹⁴ и В. Д. Конобеева¹¹⁵. В работе Т. Г. Сытко содержится интересный материал об отношении русского народа к освободительному движению на Балканах в 70-е годы прошлого века¹¹⁶. С. А. Никитин исследует южнославянские связи русского буржуазно-дворянского общества в 60—70-е годы XIX в.¹¹⁷ Вопросами русско-черногорских отношений в 50-х годах XIX в. специально занималась Р. И. Рыжова¹¹⁸.

Много внимания уделяется изучению связей и влияния русских революционных демократов на революционных и культурных деятелей Болгарии и Сербии (Л. Каравелова, Х. Ботева, Св. Марковича)¹¹⁹. Институтом славя-

войны 1806—1812 гг. «Полководец Кутузов», М., 1955; е г о ж е. Из истории русско-сербских отношений в начале XIX в. «Доклады и сообщения института истории», 1954, № 3; е г о ж е. Из истории русско-болгарских связей в период войны России с Турцией (1806—1812). В. И., 1955, № 6.

¹¹³ С. А. Никитин. Дипломатические отношения России с южными славянами в 60-х годах XIX в. «Славянский сборник», М., 1947; е г о ж е. Русская политика на Балканах и начало Восточной войны. В. И., 1946, № 4.

¹¹⁴ И. В. Козьменко. Из истории болгарского ополчения (1876—1877). «Славянский сборник», М. 1948; е ё ж е. Первоначальные проекты Тырновской конституции. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», М., 1953.

¹¹⁵ В. Д. Конобеев. Борьба болгарского народа за национальную независимость в период русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и против решений Берлинского конгресса. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», М., 1953.

¹¹⁶ Т. Г. Сытко. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875—1876 гг. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии», М., 1957.

¹¹⁷ С. А. Никитин. Славянские съезды шестидесятых годов XIX в. «Славянский сборник», М., 1948; е г о ж е. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1857—1876 гг. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии», М., 1957; е г о ж е. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг. Изд. МГУ, 1960.

¹¹⁸ Р. И. Рыжова. Из истории русско-черногорских отношений (дипломатическая борьба 1857—1858 гг. вокруг вопроса о независимости Черногории). «Исторические записки», т. 63.

¹¹⁹ В. Г. Каравелов. Революционно-демократическая программа Светозара Марковича. УЗИС, 1952, т. VI; е г о ж е. Сербский революционный демократ Светозар Маркович. УЗИС, 1953, т. VII; С. А. Никитин. Южнославянские связи русской пе-

новедения было издано три специальных сборника по рассматриваемой проблеме. Первый из них был посвящен освобождению Болгарии от турецкого ига¹²⁰, второй — русско-югославским¹²¹, а третий — русско-болгарским отношениям и связям¹²².

Значительно слабее изучены в нашей литературе русско-чешские отношения и связи как до XIX, так и XIX в. Разработка этой проблемы только еще начинается. Если не считать работ Н. Д. Ратнер и С. А. Никитина, в которых авторы касаются темы политических связей чешской либеральной буржуазии с Россией в 60-х годах XIX в.¹²³, то основное внимание в настоящее время советскими славистами уделяется вопросам чешско-русских связей в области культуры. Из последних работ на эту тему упомянем работы Е. П. Подъяпольской¹²⁴, Л. С. Кишкина¹²⁵ и С. В. Никольского¹²⁶.

Прежде чем перейти к характеристике состояния исследовательской работы в области изучения польско-русских отношений и связей с конца XVIII в. до середины XIX в., нам хотелось бы остановиться на группе работ советских славистов, посвященных участию славянских народов в революционных событиях 1848 г.

риодической печати 60-х годов XIX в. УЗИС, 1952, т. VI; К. А. Копержинский. Журнально-публицистическая деятельность Любена Каравелова в России. УЗИС, 1956, т. XII; Л. С. Ерихонов. Мировоззрение Любена Каравелова. УЗИС, 1957, т. XV; Л. Воробьев. Христо Ботев (1849—1876). М., 1953.

¹²⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига, М., 1953.

¹²¹ Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии, М., 1957.

¹²² Из истории русско-болгарских отношений, М., 1958.

¹²³ Н. Д. Ратнер. Программа и тактика чешской буржуазии в 1860—1867 гг. УЗИС, 1956, т. XVI; С. А. Никитин. Славянские комитеты в России в 1858—1876 гг.

¹²⁴ Е. П. Подъяпольская. Петр. I и художник Я. Н. Купецкий. «Полтавская победа. Из истории международных отношений накануне и после Полтавы», М., 1959.

¹²⁵ Л. С. Кишкин. Декабрист Вранцкий. КСИС, 1952, № 9; его же. К вопросу о знакомстве А. С. Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков. УЗИС, 1951, т. IV.

¹²⁶ С. В. Никольский. К вопросу о знакомстве Ф. Л. Челаковского с русской фольклористикой XIX в. УЗИС, 1949, т. I; его же. О знакомстве Ф. Л. Челаковского с декабристским журналом. УЗИС, 1954, т. VIII.

Инициатива постановки сложной проблемы о роли славянских народов в европейских революционных событиях 1848—1849 гг. принадлежит З. Р. Неедлы и В. И. Пичете. В 1947—1949 гг. разработка этой проблемы объединила усилия большого коллектива историков-славистов. Над нею работали тогда В. Н. Кондратьева, И. Н. Мельникова, И. С. Миллер, С. А. Никитин, И. И. Удальцов, У. А. Шустер и др. Результаты монографических исследований по проблематике революции 1848 г. были опубликованы в первом томе «Ученых записок Института славяноведения»¹²⁷ и в более обобщенном виде — в большом коллективном труде советских историков «Революция 1848 г.»¹²⁸. Монографию о революционном движении в Чехии в 1848—1849 гг. и политической роли Фр. Палацкого издал И. И. Удальцов¹²⁹, С. А. Никитиным была сделана попытка дать общую картину участия славянских народов в европейском революционном движении 1848—1849 гг.¹³⁰

Проанализировав причины контрреволюционной позиции либеральной буржуазии ряда славянских стран в бурных событиях «весны народов», советские историки-слависты сосредоточили свое основное внимание на изучении революционного, демократического крыла в движении славянских народов тех лет. На конкретном историческом материале они показали справедливость позиции К. Маркса и Ф. Энгельса в отношении национального вопроса в годы революции.

Одним из первых разработку вопросов национально-освободительного движения польского народа в конце XVIII в. в советской историографии начал В. И. Пичета, написавший работу о восстании под руководством Т. Костюшко¹³¹. Много занимался он и вопросами истории восстания 1830—1831 г. на территории Украины, Белоруссии и Литвы, готовил работу о «Первом Западном комитете» и о польском

¹²⁷ УЗИС, 1949, т. I.

¹²⁸ Революция 1848 г., т. I—II М., 1952.

¹²⁹ И. И. Удальцов. Очерки истории национально-политической борьбы в Чехии в 1848 г. М., 1951.

¹³⁰ С. А. Никитин. Славянские народы в революции 1848 г. В. И., 1948, № 7.

¹³¹ В. И. Пичета. К истории восстания Костюшко 1794 г. УЗИС, 1953, т. VII.

вопросе в международных отношениях первой половины XIX в. Только небольшой отрывок из этих незавершенных его исследований появился в печати¹³².

Ряд работ советских исследователей посвящен истории развития капиталистических отношений в польских землях в первой половине XIX в. и вопросам формирования польской нации, антифеодальной борьбе польского крестьянства¹³³. Самой крупной является монография Н. И. Костюшко «Крестьянская реформа 1864 г. в Царстве Польском» (М., 1962). Но главной темой работ оставались все же проблемы национально-освободительного движения и русско-польских революционных связей. Так, советские слависты возобновили изучение восстания Костюшко¹³⁴. Появились работы о революционной и научной деятельности И. Лелевеля¹³⁵.

Проблемы русско-польских революционных связей в 20-х годах XIX в. рассматривает в своей капитальной работе М. В. Нечкина¹³⁶. Над этими темами работали И. И. Беккер¹³⁷, А. И. Бортников¹³⁸, П. Н. Ольшанский, опубликовавший недавно книгу «Декабристы и польское национально-освободительное движение»¹³⁹. Вопросами поль-

¹³² В. И. Пичета. Россия и Пруссия в период польского восстания 1830—1831 гг. УЗИС, 1951, т. III.

¹³³ И. С. Миллер. Накануне отмены барщины в Галиции. УЗИС, 1949, т. I; е г о ж е. К вопросу о формировании польской буржуазной нации. В. И., 1952, № 7; И. И. Костюшко. Разложение феодальных отношений и развитие капитализма в сельском хозяйстве Царства Польского (30-е — начало 60-х годов XIX в.). УЗИС, 1954, т. X; е г о же. К истории крестьянского движения в Царстве Польском во второй половине 40-х годов XIX в. УЗИС, 1959 т. XIII; С. М. Фалькович. Крестьянский вопрос в программе консервативного и умеренного течений польской эмиграции накануне восстания 1863 г. «Научные доклады высшей школы». Исторические науки, 1960, № 3.

¹³⁴ В. И. Ивашкевич. Народное движение в Польше накануне восстания 1794 г. «Ученые записки ЛГУ», т. 194, 1955.

¹³⁵ А. М. Басевич. Иоахим Лелевель — польский революционер, демократ, ученый. М., 1961.

¹³⁶ М. В. Нечкина. Движение декабристов, т. I—II. М., 1955.

¹³⁷ И. И. Беккер. Декабристы и польский вопрос. В. И., 1948, № 3.

¹³⁸ А. И. Бортников. Декабристы и польское национально-освободительное движение. «Труды Воронежского гос. ун-та», т. 29, 1954.

¹³⁹ П. Н. Ольшанский. Декабристы и польское национально-освободительное движение. М., 1959.

ско-украинских революционных связей занимается И. И. Костюшко¹⁴⁰.

Большой коллектив историков-славистов и историков СССР разрабатывает в настоящее время широкую проблематику, связанную с восстанием 1863—1864 гг. Первая марксистская сводная работа о восстании 1863—1864 гг. была опубликована еще в 1937 г. С. Н. Драницыным¹⁴¹, затем появилась обзорная статья М. В. Миско¹⁴². Сейчас М. В. Миско опубликовал новую сводную работу о восстании¹⁴³. В 1954 г. И. М. Белявская издала монографию, посвященную польско-русскому революционному союзу 60-х годов XIX в. и деятельности А. И. Герцена¹⁴⁴. О деятельности революционера-демократа С. Сераковского писал В. А. Дьяков¹⁴⁵. Г. И. Марахов изучал революционную деятельность на Украине А. Красовского¹⁴⁶. Крестьянским вопросом в с восстании 1863 г. занималась В. Н. Кондратьева¹⁴⁷. Вопросы польско-русского революционного сотрудничества в 60-х годах XIX в. исследуют И. С. Миллер и В. А. Дьяков, подготовившие на эту тему большую монографию. А. Ф. Сминов опубликовал книги «Революционные связи народов России и Польши 40—60-х годов XIX в.» (М., 1962) и «Восстание 1863 г. в Литве и Белоруссии» (М., 1963). Польским вопросом в связи с дипломатической игрой великих держав в 1863 г. специально занимался В. Г. Ревуненков¹⁴⁸.

С 1959 г. Институт славяноведения приступил к изданию специальных сборников, посвященных изучению

¹⁴⁰ И. И. Костюшко. Польская демократия первой половины XIX в. и освободительное движение украинского народа. КСИС, 1954, № 13.

¹⁴¹ С. Н. Драницын. Польское восстание 1863 г. и его классовая сущность. І., 1937.

¹⁴² М. В. Миско. Польское восстание 1863 г. «Исторический журнал», 1945, № 1—2.

¹⁴³ М. В. Миско. Польское восстание 1863 г. М., 1962.

¹⁴⁴ И. М. Белявская. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в. М., 1954.

¹⁴⁵ В. А. Дьяков. Сигизмунд Сераковский. М., 1959.

¹⁴⁶ Г. И. Марахов. Андрей Красовський — борец против кріпосництва та самодержавства. Київ, 1961.

¹⁴⁷ В. Н. Кондратьева. К вопросу о положении польских крестьян пакающие и во время восстания 1863 г. УЗИС, 1951, № 3.

¹⁴⁸ В. Г. Ревуненков. Польское восстание 1863 г. и европейская дипломатия. І., 1957.

восстания 1863—1864 гг. и русско-польскому революционному сотрудничеству 60-х годов XIX в. Из печати вышло уже два таких сборника¹⁴⁹. Наряду с исследовательскими статьями в сборниках публикуются обстоятельные обзоры некоторых важных архивных фондов.

Непосредственное отношение к рассматриваемой проблеме имеют и некоторые из опубликованных уже работ наших литературоведов, в которых они исследуют связи А. Мицкевича с русским обществом. Речь идет о работах С. С. Ланда¹⁵⁰, Б. Ф. Стакеева¹⁵¹, И. И. Беккера¹⁵² и Г. Д. Вервеса¹⁵³. В настоящее время вышел большой сборник «Русско-польские музыкальные связи», подготовленный коллективом советских и польских авторов (М., 1963).

Одним из важнейших вопросов процесса исторического развития славянских стран второй половины XIX в. является рабочее движение. Исследуя проблемы развития рабочего движения в славянских странах, советские историки-слависты прежде всего стремятся осветить русско-славянские революционные связи, интернационалистическую и классовую солидарность российского пролетариата. Так, вопросы влияния В. И. Ленина на революционное движение польского пролетариата привлекли внимание Р. А. Ермолаевой¹⁵⁴. О связях польской социалистической печати с ленинской «Искрой» писал А. Я. Манусевич¹⁵⁵.

Советскими славистами предпринята успешная разработка истории польского рабочего движения конца XIX —

¹⁴⁹ Восстание 1863 г и русско-польские революционные связи 60-х годов. Сборник статей и материалов, М., 1960; Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 г. М., 1962.

¹⁵⁰ С. С. Ланда. У истоков «Оды к юности». «Литература славянских народов», 1956, № 1 (далее ЛСН).

¹⁵¹ Б. Ф. Стакеева. Мицкевич и прогрессивная русская общественность. М., 1955.

¹⁵² И. И. Беккер. Мицкевич в Петербурге. Л., 1955.

¹⁵³ Г. Д. Вервес. Адам Мицкевич и украинская литература. ЛСН, 1956, № 1. См. также: И. И. Беккер. Произведения Мицкевича и царская цензура. Там же.

¹⁵⁴ Р. А. Ермолаева. Б. И. Ленин и польская революционная социал-демократия в 1912—1914 гг. «Новая и новейшая история», 1960, № 3.

¹⁵⁵ А. Я. Манусевич. Ленинская «Искра» и польская социалистическая печать. «Новая и новейшая история», 1961, № 2.

начала XX в., о чём свидетельствуют статьи и книги И. Вольковичера¹⁵⁶, Г. И. Лурье¹⁵⁷, Н. Н. Пухлова¹⁵⁸. Подробное освещение ряда важных проблем польского рабочего движения содержится в сборнике монографических статей, подготовленном советскими и польскими авторами¹⁵⁹. В работах А. М. Шнитмана¹⁶⁰, В. Дядькина¹⁶¹ и И. Курбатовой¹⁶² исследуется рабочее движение в Болгарии этого же времени. Специальный сборник статей, изданный Институтом славяноведения, посвящен революционной борьбе пролетариата Чехословакии¹⁶³. Над проблемами влияния В. И. Ленина на революционное крыло сербской социал-демократии начала работать М. М. Суслова¹⁶⁴.

Большое внимание советские историки-слависты уделили проблеме влияния первой русской революции на подъём революционного движения в зарубежных славянских странах. Революция 1905—1907 гг. явилась событием огромного международного значения, оказавшим прогрессивное влияние на весь последующий ход общественного развития.

¹⁵⁶ И. Вольковичер. Начало социалистического рабочего движения в бывшей русской Польше, ч. I. М.—Л., 1925; егоже. Стачка 1873 г. в Жирардове. «Пролетарская революция», 1923, № 6—7.

¹⁵⁷ Г. И. Лурье. Красная Лодзь. Рабочая стачка в 1892 г. М., 1934.

¹⁵⁸ Н. Н. Пухлов. Начало рабочего движения в Польше (70—80-е годы XIX в.). В. И., 1962, № 12; егоже. Рабочее движение в Королевстве Польском в 90-е годы XIX в. В. И., 1954, № 2.

¹⁵⁹ Из истории польского рабочего движения, М., 1961.

¹⁶⁰ А. М. Шнитман. Революционная деятельность Д. Н. Благоева в России и Болгарии (1878—1885 гг.). В. И., 1956, № 2; егоже. Развёртывание Д. Н. Благоевым марксистской пропаганды в Болгарии во второй половине 80-х годов XIX столетия и русское освободительное движение. «Ученые записки Мурманского гос. пед. ин-та», т. IV, вып. 3, 1960.

¹⁶¹ В. Дядькин. К вопросу об образовании партии тесных социалистов в Болгарии. «Ученые записки Северо-Осетинского пед. ин-та», 1956, т. 20.

¹⁶² И. Курбатова. Г. В. Илеханов и революционное социал-демократическое движение в Болгарии. «Вестник ЛГУ», 1958, № 4.

¹⁶³ Из истории революционного движения народов Чехословакии, М., 1959.

¹⁶⁴ М. М. Суслова. К вопросу о влиянии ленинских идей на представителей революционного крыла сербской социал-демократии. «Новая и новейшая история», 1961, № 2.

Первая русская буржуазно-демократическая революция, как известно, имела большой отклик в славянских странах. Здесь, как и в России в это время, на очереди стояло решение задач буржуазно-демократической революции. Вопросы международного значения событий 1905—1907 гг. в России нашли широкое освещение на страницах обобщающих трудов Института славяноведения, посвященных истории Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии.

В связи с пятидесятилетием первой русской революции, которое было торжественно отмечено как в Советском Союзе, так и за рубежом, появилось много работ, в которых исследуется эта проблема. В сборнике статей «Первая русская революция и международное революционное движение»¹⁶⁵ освещается ход революционных событий в европейских странах, в том числе и славянских, событий, тесно связанных с первой русской революцией. Проблеме влияния первой русской революции на подъем революционного движения в славянских странах посвящен специальный выпуск «Кратких сообщений» Института славяноведения¹⁶⁶. Здесь опубликованы доклады советских и зарубежных ученых, с которыми они выступили на научной сессии института.

Революционное движение в славянских странах в период 1905—1907 гг. рассматривалось также и в отдельных статьях и монографиях. В монографии И. А. Хренова «Лодзинское восстание»¹⁶⁷ показываются революционные связи русского и польского рабочего класса, их совместная борьба против самодержавия и капиталистического гнёта. О революционных событиях 1905 г. в Варшаве специально писал С. М. Стецкевич¹⁶⁸. Проблема революции 1905—1907 гг. на польских землях в целом рассмотрена в работе У. Шустера¹⁶⁹. Темой крестьянского движения в Королевстве Польском в 1905—1907 гг. специально за-

¹⁶⁵ Первая русская революция и международное революционное движение, ч. 1, М., 1955.

¹⁶⁶ КСИС, 1956, № 20.

¹⁶⁷ И. А. Хренов. Лодзинское восстание. М., 1958.

¹⁶⁸ С. М. Стецкевич. Первомайская демонстрация в Варшаве 1905 г. В. И., 1955, № 5; е г о ж е. Всеобщая политическая стачка в Варшаве в декабре 1905 г. КСИС, 1955, № 20.

¹⁶⁹ У. А. Шустер. Революция 1905—1907 гг. в Польше. «Исторические записки», 1947, № 22.

нималась С. М. Фалькович¹⁷⁰. Революционному движению 1905 года в Чехии посвящена большая статья К. П. Гогиной¹⁷¹. О влиянии первой русской революции на общественно-политическое развитие Черногории говорится в статье Н. И. Хитровой¹⁷². В отношении Хорватии этой проблематики коснулся В. И. Фрейдзон¹⁷³, которому принадлежит и работа по истории экономического развития Хорватии в конце XIX — начале XX в.¹⁷⁴ Анализу революционных событий в юнославянских областях Австро-Венгрии в 1905 г. посвятил свою статью Ю. А. Писарев¹⁷⁵.

Особую и при этом довольно большую группу работ советских славистов образуют исследования, характеризующие революционное движение в славянских странах накануне и в период первой мировой войны. Здесь следует назвать В. Д. Вознесенского¹⁷⁶ В. И. Владимировскую¹⁷⁷, А. М. Коренькова¹⁷⁸, В. И. Жебокрицкого¹⁷⁹,

¹⁷⁰ С. М. Фалькович. Крестьянский вопрос и крестьянское движение в Королевстве Польском в революции 1905—1907 гг. УЗИС, 1956, т. XII.

¹⁷¹ К. П. Гогина. Революционное движение в чешских землях в 1905 г. «Из истории революционного движения народов Чехословакии», М., 1959.

¹⁷² Н. И. Хитрова. Социально-экономическое развитие Черногории в конце XIX — начале XX в. и конституция 1905 г. КСИС, 1956, № 20.

¹⁷³ В. И. Фрейдзон. Социально-политические взгляды Антуна и Степана Радичей в 900-х годах и возникновение хорватской крестьянской партии (1904—1905). УЗИС, 1960, т. XX.

¹⁷⁴ В. И. Фрейдзон. Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX — начале XX в. УЗИС, 1954, т. X.

¹⁷⁵ Ю. А. Писарев. Революционное движение в юнославянских областях Австро-Венгрии в 1904 г. В. И., 1956, № 3.

¹⁷⁶ В. Д. Вознесенский. К вопросу о влиянии русского революционного движения на болгарское рабочее движение (1910—1912 гг.). КСИС, 1955, № 17.

¹⁷⁷ В. И. Владимировская. Борьба болгарской рабочей социал-демократической партии (тесных социалистов) против империалистической войны (1914—1918 гг.). УЗИС, 1956, т. XIV.

¹⁷⁸ А. М. Кореньков. Интернационалистская позиция болгарских тесных социалистов в период первой мировой войны 1914—1918 гг. УЗИС, 1954, т. X.

¹⁷⁹ В. И. Жебокрицкий. Внутришнэ становише в Болгарїї після Балканських воїн. «Український Історичний журнал», 1958, № 1; его же. Болгария пакануне Балканских войн 1912—1913 гг. Київ, 1960.

В. А. Упеника¹⁸⁰, Ю. А. Писарева¹⁸¹, М. А. Бирмана¹⁸² и др.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества. Она ознаменовала победу российского пролетариата над силами капитализма и образование первого в истории социалистического государства. Под влиянием идей Великого Октября развернулось мощное революционное движение в международном масштабе. Проблема влияния Октябрьской революции на славянские страны нашла большое место в работах советских историков-славистов. Этот важный вопрос прежде всего подробно освещен на страницах обобщающих трудов Института славяноведения по истории зарубежных славянских стран. Тема участия трудящихся славянских стран в победе Октябрьской революции в России разработана в специальном сборнике «Октябрьская революция и зарубежные славянские народы»¹⁸³. Победоносная Октябрьская революция как решающая предпосылка восстановления государственной самостоятельности и национальной независимости Польши, Чехословакии и образования Югославии рассмотрена в ряде монографических работ и статей. В монографии М. В. Миско¹⁸⁴ показывается решающее значение Великого Октября для восстановления самостоятельного Польского государства. Подъему революционного движения в Польше в 1917—1918 гг. посвящена статья А. Я. Манусевича¹⁸⁵. Проблема образования Коммунистической партии Польши исследуется в

¹⁸⁰ В. А. Упеник. Рабочее движение в Сербии накануне первой мировой войны. В. И., 1955, № 6.

¹⁸¹ Ю. А. Писарев. Крестьянские волнения в Боснии и Герцеговине в 1910 г. и аграрная реформа 1911 г. «Новая и новейшая история», 1960, № 6; с г о ж е. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии 1905—1914 гг. М., 1962.

¹⁸² М. А. Бирман. Сербия в период Балканских войн 1912—1913 гг. КСИС, 1961, № 32.

¹⁸³ Октябрьская революция и зарубежные славянские народы, М., 1957.

¹⁸⁴ М. В. Миско. Октябрьская революция и восстановление независимости Польши. М., 1957.

¹⁸⁵ А. Я. Манусевич. Из истории революционного движения в Польше в 1917—1918 гг. «Новая и новейшая история», 1957, № 4; см. также работу Н. С. Яжборовской, «Февральская революция и польское революционное движение» (УЗИС, 1963, т. XXVI).

статье И. А. Хренова¹⁸⁶. Вопросами революционного союза русских и польских трудящихся специально занимаются Л. Я. Манусевич и И. И. Белякович¹⁸⁷.

Влиянию Октябрьской революции на подъем революционного движения в Болгарии ряд работ посвятил М. А. Бирман¹⁸⁸. Над этой же темой работал А. С. Бейлис¹⁸⁹ и В. Т. Константинов¹⁹⁰. Проблема революционного движения в Чехословакии в 1918—1921 гг. ставится в работах И. Н. Мельниковой¹⁹¹, В. В. Марьиной¹⁹², А. Х. Клеванского¹⁹³, Я. Б. Шмерала¹⁹⁴. В этих работах

¹⁸⁶ И. А. Хренов. Из истории образования и первого периода деятельности Коммунистической рабочей партии Польши. В. И., 1959, № 6.

¹⁸⁷ И. И. Белякович. Революционное сотрудничество польских и российских трудящихся в 1917 г. Львов, 1957.

¹⁸⁸ М. А. Бирман. Революционная ситуация в Болгарии в 1918—1919 гг. М., 1957; е г о ж е. Нарастание революционной ситуации в Болгарии в 1917—1918 гг. и Владайское восстание. УЗИС, 1952, т. V; е г о ж е. К вопросу об участии болгар в защите завоеваний Октябрьской революции. «Новая и новейшая история», 1957, № 5.

¹⁸⁹ А. С. Бейлис. Велика Жовтнева соціалістична революція в Росії і революційне піднесення в Болгарії в 1917—1920 гг. «40 років Великого Жовтня», Львів, 1957.

¹⁹⁰ В. Т. Константинов. Влияние Великой Октябрьской социалистической революции на развитие революционного движения в Болгарии. «Ученые записки Кемеровского гос. пед. ин-та», вып. 3, 1959.

¹⁹¹ И. Н. Мельникова. Из истории революционного движения на Закарпатской Украине в 1921—1924 гг. УЗИС, 1952, т. VI.

¹⁹² В. В. Марьина. Словакия в годы послевоенного революционного подъема (1918—1923 гг.). КСИС, 1957, № 21; е г о ж е. Великая Октябрьская социалистическая революция и развитие революционного движения в Словакии в 1918—1920 гг. «Из истории революционного движения народов Чехословакии», М., 1959.

¹⁹³ А. Х. Клевапский. Великая Октябрьская социалистическая революция и революционный подъем в Чехословакии. «Из истории Великой Октябрьской социалистической революции», М., 1957; е г о ж е. Некоторые вопросы истории чехословацких революционных организаций в России (1917—1921) в связи с новейшими работами чехословацких историков. «История СССР», 1958, № 5; е г о ж е. К истории чехословацких политических организаций и формирований в России (февраль — октябрь 1917 г.). УЗИС, 1963, т. XXVI.

¹⁹⁴ Я. Б. Шмераль. Классовая борьба в Чехословакии в годы послевоенного революционного подъема. 1918—1920. «Из истории революционного движения народов Чехословакии». М., 1959.

показывается подъем революционного движения в Чехословакии, борьба трудящихся за поддержку Октябрьской революции. Развитие революционного движения в юнославянских землях в 1918—1923 гг., приведшее к образованию самостоятельного югославского государства, рассматривается в работах Ю. А. Писарева¹⁹⁵. В тесной связи с исследованием проблемы международного значения Великого Октября, особенно для славянских стран, стоит и разработка темы краха лоскутной Габсбургской монархии. Тему эту детально исследовал в последнее время В. М. Турок¹⁹⁶.

Бессспорно, заслуживает внимания интересная попытка советских историков проследить на примере славянских стран влияние В. И. Ленина и ленинских идей на образование коммунистических партий в Европе¹⁹⁷.

Еще одну весьма компактную группу работ советских славистов образуют исследования, характеризующие межвоенный период в истории славянских стран. Советские историки-слависты исследовали, главным образом, вопросы экономического и политического развития славянских стран после первой мировой войны, историю рабочего движения. В меньшей степени разрабатывались проблемы внешнеполитического развития славянских стран, межславянских культурных и экономических связей. Этой проблематикой занимались М. И. Богуславский¹⁹⁸,

¹⁹⁵ Ю. А. Писарев. Из истории революционного движения рабочего класса и крестьянства в сербо-хорвато-словенском государстве в 1919—1923 гг. УЗИС, 1952, т. V; его же. Нарастание революционной ситуации в Сербии, Хорватии и Словении в 1917—1919 гг. и интервенция Антанты. УЗИС, 1959, т. XVII.

¹⁹⁶ В. М. Турок. Подъем Австрийского рабочего движения под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции (яновская забастовка 1918 г.). «Известия АН СССР». Серия истории и философии, 1952, № 3; его же. Кризис реакционного режима Габсбургов (январь — март 1918 г.). УЗИС, 1953, т. VII; его же. Очерки истории Австрии 1918—1929 гг. М., 1955.

¹⁹⁷ М. А. Бирман, А. Х. Клеванский, А. Я. Манусевич и Г. М. Славин. Ленин и образование коммунистических партий в зарубежных славянских странах КСИС, 1961, № 31.

¹⁹⁸ М. И. Богуславский. Политическая борьба в Польше в связи с наступлением фашистских агрессоров на Чехословакию. В. И., 1948, № 5; его же. Политическая борьба в Польше по вопросам внешней политики пакануне второй мировой войны. В. И., 1949, № 10.

А. Н. Киршевская¹⁹⁹, И. Н. Мельникова²⁰⁰, С. И. Прасолов²⁰¹, Л. Б. Валев²⁰², Р. П. Гришина²⁰³, Ф. И. Фирсов²⁰⁴, Г. П. Мурашко²⁰⁵, Ф. Г. Зуев и др.

В заключение этой части нашего обзора остановимся на тех исследованиях, которые ставили своей задачей изучение революционной борьбы славянских народов в годы второй мировой войны, изучение опыта социалистического строительства в славянских странах после нее.

Советские историки-слависты с каждым годом уделяют все большее внимание разработке проблем, связанных с возникновением строя народной демократии как особой формы диктатуры пролетариата в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и строительству социализма в них. Эти вопросы рассматриваются в обобщающих трудах Института славяноведения, а также в специальных сборниках института, посвященных теме строительства социализма в славянских странах²⁰⁶. Отдельные аспекты этой большой и важной проблемы рассматривались в ряде

¹⁹⁹ А. Н. Киршевская. Падение правительства Земледельческого союза в Болгарии. УЗИС, 1955, т. XI.

²⁰⁰ И. Н. Мельникова. Экономическое развитие Чехословакии в годы частичной стабилизации капитализма (1924—1929). УЗИС, 1958, т. XVI; е г о же. Классовая борба в Чехословакии в 1924—1929 гг. М., 1962.

²⁰¹ С. И. Прасолов. Чехословакия в годы экономического кризиса (1930—1933). УЗИС, 1956, т. XII.

²⁰² Л. Б. Валев. Из истории Болгарии накануне и в начале второй мировой войны. УЗИС, 1960, т. XX; е г о же. Положение и борьба болгарского рабочего класса накануне второй мировой войны. «Новая и новейшая история», 1960, № 5; е г о же. Экономика Болгарии накануне второй мировой войны. КСИС, 1961, № 32; е г о же. Болгария и гитлеровская агрессия на Балканах в 1941 г. УЗИС, 1963, т. XXVI.

²⁰³ Р. П. Гришина. Новый подъем рабочего движения в Болгарии в годы временной и частичной стабилизации капитализма. УЗИС, 1961, т. XXII.

²⁰⁴ Ф. И. Фирсов. Коммунистическая партия Чехословакии — организатор и руководитель движения безработных в период экономического кризиса 1930—1933 гг. УЗИС, 1961, т. XXII.

²⁰⁵ Г. П. Мурашко. К вопросу об экономическом развитии Чехословакии и положении рабочего класса в 1921—1923 гг. УЗИС, 1961, т. XXII.

²⁰⁶ Болгарский народ в борьбе за социализм, М., 1954; Борьба польского народа за социализм, М., 1955; Народы Чехословакии в борьбе за социализм, М., 1957.

работ, вышедших в последние годы. П. В. Галенко²⁰⁷ в своих работах исследует вопросы строительства социалистической экономики в Польше, А. И. Недорезов²⁰⁸ показывает осуществление аграрных преобразований в Чехословакской республике. Ему же принадлежит большое исследование, посвященное освободительному движению чешского и словацкого народов в годы второй мировой войны («Национально-освободительное движение в Чехословакии. 1938—1945». М., 1961). Вопросы социально-экономических преобразований в Польше, Болгарии, Чехословакии освещаются также в работах А. Хачатурова²⁰⁹, Д. Бочарова²¹⁰, В. И. Овчарова, Ф. Константинова²¹¹, В. Тихомирова²¹², Л. Б. Валева²¹³, М. Е. Позолотина, А. Н. Киршевской²¹⁴, А. А. Янина²¹⁵. В работах П. Калениченко²¹⁶ и С. Грачева²¹⁷ рассматриваются революционные социалистические связи СССР со славянскими странами народной демократии, помошь Советского Союза этим странам в социалистическом стро-

²⁰⁷ П. В. Галенко. Строительство социалистической экономики в Польской Народной Республике. М., 1955; е г о же. Социалистическая национализация основных средств производства в Польской Народной Республике. М., 1961.

²⁰⁸ А. И. Недорезов. Аграрные преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954; е г о же. Установление и развитие народной демократии в Чехословакии (май 1945 — февраль 1948 г.). УЗИС, 1955, т. XI.

²⁰⁹ А. Хачатуров. Социально-экономические преобразования в народно-демократической Чехословакии. М., 1954.

²¹⁰ Д. Бочаров. Болгарский народ строит социализм. М., 1954.

²¹¹ Ф. Константинов. Болгария на пути к социализму. М., 1953.

²¹² В. Тихомиров. Социалистическое переустройство сельского хозяйства Болгарии. М., 1951.

²¹³ Л. Б. Валев. Народно-демократическая Болгария с 9 сентября 1944 г. до конца второй мировой войны. УЗИС, 1951, т. III; е г о же. Болгария в период борьбы за укрепление народно-демократического строя и восстановления пародного хозяйства. УЗИС, 1951, т. IV.

²¹⁴ А. Н. Киршевская. Отечественный фронт и аграрный вопрос в Болгарии в первый период развития народной демократии (1944—1947). УЗИС, 1952, т. V.

²¹⁵ А. А. Янин. Из истории кооперирования сельского хозяйства в Чехословакии. «Новая и новейшая история», 1961, № 2.

²¹⁶ П. Калениченко. Польска прогресивца еміграція в СРСР в рокі другої світової війні Київ, 1957.

²¹⁷ С. Грачев. Помощь СССР народам Чехословакии в их борьбе за свободу и независимость. М., 1953.

ительстве. Л. Б. Валев подробно исследовал революционную борьбу болгарских трудящихся в 1942—1944 гг., определившую переход страны на пути народно-демократических преобразований²¹⁸. Освободительной борьбе чехословацкого народа в годы второй мировой войны посвящена работа П. И. Резонова²¹⁹. Г. М. Славин нарисовал картину героической борьбы народов Югославии против фашистских захватчиков²²⁰. Он же занимался вопросами советско-польских отношений в годы второй мировой войны, а также историей установления границ народной Польши²²¹. В сборнике «15 лет народной Польши»²²² показаны достижения польского народа на всех фронтах социалистического строительства за период народной власти. Над проблемами строительства социализма в Чехословакии работает И. И. Удальцов²²³.

Следует, однако, отметить, что многие вопросы из истории социалистического строительства в славянских странах народной демократии все еще не получили достаточного освещения в работах советских историков-славистов. Интернациональным долгом советских исследователей является дальнейшее изучение и обобщение опыта строительства социализма в братских славянских странах, показ огромных достижений трудящихся этих стран во всех областях социалистического строительства, их вклада в укрепление содружества социалистических стран, их неустанной борьбы за укрепление мира во всем мире.

Учитывая эти важные задачи, Институт славяноведения как одно из центральных научных учреждений СССР, занимающихся историей стран народной демократии, организовал в сотрудничестве с другими научными центрами страны подготовку капитального коллективного труда, посвященного проблемам социалистического строительства во всех европейских странах, ставших на путь социализма. Предполагается, что это будет очень крупное, занимающее два больших тома исследование, построенное по единому плану.

²¹⁸ Л. Валев. Из истории Отечественного фронта Болгарии. М.—Л., 1950.

²¹⁹ Сб. Антифашистское движение сопротивления, М., 1962.

²²⁰ Там же.

²²¹ УЗИС, 1961, т. XXII.

²²² 15 лет народной Польши, М., 1959.

²²³ И. И. Удальцов. Решающая победа социализма в Чехословацкой Социалистической Республике. КСИС, 1961, № 31.

* * *

Неисчерпаемые богатства советских архивов, содержащиеся в них ценнейшие материалы по вопросам внутренней истории, проблемам социально-экономического и политического развития славянских стран и истории русско-славянских отношений и связей ставят перед советскими историками-славистами еще одну задачу — задачу скончавшего выявления и публикации наиболее важных архивных документов, быстрейшего ввода их в широкий научный оборот. В настоящее время в Институте славяноведения работа по публикации источников концентрируется на следующих основных объектах. Совместно с Главным архивным управлением при Совете Министров СССР, с одной стороны, и Институтом истории Польской Академии наук и Главной дирекцией польских архивов, с другой, готовится большое издание документов о восстании 1863—1864 гг. Цель издания — выявить всю документацию, исходившую от центральных повстанческих властей, и дать максимально полную публикацию материалов, характеризующих польско-русский революционный союз 60-х годов XIX в. Согласно принятому плану, в СССР будет издано семь томов этой серии. Первый, уже вышедший из печати, том содержит следственные показания и записки о польском восстании 1863 г. О. Аведде (М., 1961). Два других тома будут посвящены русско-польским революционным связям 60-х годов XIX в. Два тома издаются на Украине. Первый из них уже вышел из печати (Киев, 1963). В них подобрана документация, характеризующая общественную жизнь и революционное движение в украинских землях накануне и в ходе восстания 1863 г. Аналогичных два тома готовятся в Литве и Белоруссии. Одни тома уже подготовили и издали польские историки. С советской стороны этой работой руководят И. С. Миллер, В. Д. Королюк и Л. Яковлев.

Вторая публикация осуществляется институтом совместно с ГАУ при Совете Министров СССР и Институтом истории Болгарской Академии наук. Она посвящена национально-освободительному движению южных славян в 70-х годах XIX в. и роли России в освобождении Болгарии. В задачи составителей этого издания входит возможно более широкое освещение братской помощи славянским народам со стороны русского народа, передовых слоев русского общества. Первый том этой капитальной публи-

кации уже увидел свет²²⁴. С советской стороны работой руководят С. А. Никитин и В. Д. Конобеев.

Советско-польским отношениям посвящена третья крупная публикация, подготавливаемая институтом совместно с польскими научными учреждениями. Работа эта рассчитана на 8—10 лет и призвана показать миролюбивую политику Советской страны по отношению к Польше, с одной стороны, и антинародную, антинациональную политику польских господствующих классов — с другой, приведшую к национальной катастрофе в сентябре 1939 г. Первый том этой серии уже вышел из печати (М., 1963). В заключительных томах серии будут освещены социалистические связи и отношения двух миролюбивых государств — Польши и СССР, связи, основанные на взаимном уважении и взаимопомощи и облегчающие двум братским народам построение коммунистического общества. Работой этой с советской стороны руководят И. А. Хренов и П. Н. Ольшанский.

О четвертой капитальной публикации Института славяноведения — академическом издании «Закона судного людем» — говорилось уже выше. Напомним только, что в настоящее время работа над этим изданием уже завершена и оба тома вышли в свет.

Помимо этих основных изданий советскими славистами осуществлены и осуществляются также издания источников облегченного типа, рассчитанные на широкую советскую историческую общественность и предназначенные для использования историками-неспециалистами. Прежде всего здесь следует назвать трехтомный сборник, посвященный прогрессивным польским мыслителям конца XVIII—XIX вв. (составители И. С. Миллер и И. С. Нарский)²²⁵, а также сборник произведений польских мыслителей эпохи Возрождения (XV—XVI вв.)²²⁶. Вышел из печати и большой сборник сочинений выдающегося сербского революционера-демократа Св. Марковича, составитель В. Г. Каравесев²²⁷. Подготовлены переводы и изданы важные памятники средневековой истории славян:

²²⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия. 1875—1977. М., 1961.

²²⁵ Избранные произведения прогрессивных польских мыслителей, т. I—III, М., 1956—1958.

²²⁶ Польские мыслители эпохи Возрождения, М., 1960.

²²⁷ Светозар Маркович. Избранные сочинения. М., 1956.

хроника так называемого Галла-Анонима (М., 1961), хроника Гельмольда (М., 1963), Козьмы Пражского (М., 1962), хроника Лаврентия из Бржезовой (М., 1962) и др. Все эти хроники издаются в основанной акад. М. Н. Тихомировым серии «Памятники средневековой истории народов Центральной и Восточной Европы»²²⁸. Большую научную ценность представляет публикация, посвященная истории славистических исследований в СССР²²⁹. Ставя своей задачей усиление источниковедческих исследований, а также стремясь ускорить введение в научный оборот новый и важный документальный материал, Институт славяноведения в течение ряда лет издавал специальные сборники — «Славянский архив». В них наряду с публикациями документов печатались источниковедческие статьи, статьи по вопросам историографии, обзоры архивных материалов и публикаций. Всего вышло пять сборников этой серии (М., 1958; 1959; 1961; 1962; 1963).

ИЗУЧЕНИЕ СЛАВЯНСКИХ ЛИТЕРАТУР

Изучение славянских литературу в нашей стране имеет давние традиции. Еще в тридцатых годах прошлого века при Петербургском, Московском, Харьковском и Казанском университетах были основаны кафедры славянской филологии — «кафедры по истории и литературе славянских наречий», которые, наряду с изучением славянских языков и памятников древней славянской письменности, начали заниматься и литературами зарубежных славян. Среди первых ученых-славистов, информировавших русскую общественность о процессах в литературах зарубежных славянских народов, были И. Срезневский, О. Бодянский, А. Пыпин, А. Спасович и др. Тогда же были заложены традиции тесного научного сотрудничества русских славистов и зарубежных славянских ученых.

Присталый интерес к литературному процессу в первую очередь западных, а в известной степени и южных

²²⁸ Помимо названных выше, в этой серии вышли следующие памятники: Феофилакт Симокатта. История. М., 1957; Две византийские хроники Х в. (Псамафийская хроника. Иоанн Камениата «Взятие Фессалоники»). М., 1959; Иордан. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960; Византийская книга Эпарха, М., 1962.

²²⁹ Документы к истории славяноведения в России (1850—1912). М.—Л., 1948.

славян был присущ многим видным представителям русской и украинской революционно-демократической критики (А. Герцен, Н. Чернышевский, И. Франко, Л. Украинка). Этот интерес унаследовали и пионеры русской марксистской критики (В. Воровский).

Традиции изучения славянских литератур в XIX—начале XX в. складывались у нас как в области академической, университетской науки, которая, накапливая большой фактический материал, страдала, однако, методологической слабостью и описательностью, так и в области передовой публицистики, стремившейся выявить и поддержать в славянских литературах наиболее прогрессивные явления.

После Великой Октябрьской социалистической революции наука о литературе получила в нашей стране прочную методологическую марксистскую основу. Центр внимания литературоведов-славистов переместился в сторону изучения творчества крупных славянских писателей как выражителей идеиной борьбы своего времени. Работы о болгарских писателях Иване Вазове, Алеко Константинове, Стояне Михайловском создал Н. С. Державин, об Адаме Мицкевиче и Яне Колларе — В. Г. Чернобаев. По славянским литературам плодотворно выступал А. И. Белецкий. Для пропаганды революционных славянских литератур много сделали журналы «Вестник иностранной литературы» и «Интернациональная литература» (статьи М. Скачкова о литературе Чехословакии, М. Живова о польской литературе и т. д.). Несмотря на известные элементы вульгарного социологии, в исследовании славянских литератур советское литературоведение в 20—30-е годы сделало важный шаг вперед.

Интерес широких кругов советской общественности к литературам Чехословакии, Польши, Болгарии и Югославии неизмеримо возрос после окончания второй мировой войны в связи с образованием стран народной демократии, укреплением дружбы и сотрудничества с этими странами. Первые послевоенные годы характеризуются широким размахом научно-популяризаторской работы в области славянских литератур. В общественно-политических и литературно-художественных журналах («Славяне», «Новый мир», «Октябрь», «Витчизна», «Украина» и т. д.) появляются очерки и обзоры по славянским литературам, юбилейные статьи о выдающихся славянских писателях.

Авторами этих статей и обзоров наряду с литературоведами¹ были и известные советские писатели².

Важную часть научно-популяризаторской деятельности по славянским литературам составляли вступительные статьи и предисловия к переводам произведений славянских писателей, издание которых с каждым годом расширялось.

Научно-исследовательская работа в области славянских литератур велась в первые послевоенные годы прежде всего учеными-славистами старшего поколения.

Академик Н. С. Державин выступает с работами: «Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии», «Основные идеи и факты болгарской героической народной поэзии», «История Болгарии» в четырех томах, в которой были специальные разделы, посвященные истории болгарской литературы³.

Вопросам связей русской литературы с литературами южных славян посвятил свои труды профессор ЛГУ К. А. Копержинский, опубликовавший ряд статей на эту тему, в том числе «Беллетристические произведения Любена Каравелова, написанные в России»⁴. Изучению польско-русских литературных связей посвятил свои работы С. С. Советов, подготовивший статьи: «Попытка первого издания сочинений Мицкевича в русском переводе», «Людвиг Кондратович как переводчик Некрасова»⁵.

¹ И. И. Анисимов. Культура в новой Болгарии. «Октябрь», 1946, № 5, К. Н. Державин. Пушкин и зарубежные славяне. «Славяне», 1948; № 6; А. И. Белецкий. Великий польский поэт. «Правда Украины», 24 июня 1948 г.; М. Живов. Литература новой Польши в борьбе за реализм. «Славяне», 1948, № 2 и др.

² А. Фадеев. О традициях славянской литературы. «Новый мир», 1946, № 12; «Пламенный патриот, великий поэт». — «Литературная газета», 1948, № 2.

³ Н. С. Державин. Вклад русского народа в мировую науку в области славянской филологии. «Ученые записки МГУ», т. III, вып. 107, кн. 2, 1946; е г о ж е. Основные идеи и факты болгарской героической народной поэзии, «Болгарская народная поэзия», М., Гослитиздат, 1944; е г о ж е. История Болгарии, т. I—IV. М.—Л., 1945—1947.

⁴ К. А. Копержинский. Беллетристические произведения Любена Каравелова, написанные в России. «Известия АН СССР. ОЛЯ», т. VII, вып. 2, 1948.

⁵ С. С. Советов. Попытка первого издания сочинений Мицкевича в русском переводе. «Научный бюллетень ЛГУ», № 11—12, 1946; е г о ж е. Людвиг Кондратович как переводчик Некрасова. Там же, № 16—17, 1947.

Проблематика связи русской литературы с литературами зарубежных славян занимает в те годы и литературоведов-руссистов, и специалистов широкого литературоведческого профиля. Так, в 1946 г. в Ленинграде выходит специальный выпуск «Научного бюллетеня ЛГУ» (№ 11—12), посвященный этим вопросам, где публикуются статьи М. П. Алексеева («Петербургские английские переводы из Мицкевича 1835 г.»), Н. В. Алексеевой («К истории переводов романа «Накануне» И. С. Тургенева на болгарский язык»), Б. В. Томашевского («Пушкин и южные славяне») и др.

В то же время первые послевоенные годы стали периодом интенсивной подготовки кадров молодых специалистов по славянским литературам. Развертывают работу кафедры славянской филологии, образованные при Московском, Ленинградском, Киевском и Львовском университетах.. А с созданием в 1947 г. Института славяноведения АН СССР фронт научных исследований в области славянского литературоведения значительно расширяется. Появляются работы молодого поколения советских славистов-литературоведов, которые, начиная с конца 40-х годов, стали успешно готовиться в аспирантуру Института славяноведения АН СССР, а также при кафедрах университетов. В центре внимания литературоведов-славистов оказывается проблематика связей славянских литератур с литературой русской, отражение в литературе национально-освободительной и революционной борьбы славянских народов, проблемы становления критического и социалистического реализма.

В 1951 г. начинает выходить сборник «Славянская филология»⁶, выпускаемый кафедрой славистики МГУ.

К середине 50-х годов складываются новые центры славистических исследований: при Институте мировой литературы им. Горького, Институте русской литературы (Пушкинский дом), Институте литературы АН УССР, при Белорусском государственном университете.

Большое количество работ по славянским литературам начинает печататься в «Трудах» и «Ученых записках» университетов и педагогических институтов⁷ различных городов Советского Союза.

⁶ См. «Славянская филология», вып. 1, 1951; вып. 2, 1954 и др.

⁷ См. «Труды Воронежского ун-та», «Ученые записки Горьковского ун-та», «Наукові записки Дніпропетровського ун-ту», «Уче-

Важнейшее значение для дальнейшего развертывания и углубления исследований по славянским литературам имели решения XX съезда КПСС и последующий подъем во всех отраслях общественных наук. В период после XX съезда все большее место в работе над изучением славянских литератур начинают занимать проблемы современного этапа в литературах зарубежных славян, выработка марксистской периодизации литературного процесса в славянских странах и создания обобщающих трудов по истории национальных литератур.

Оживлению работы в области изучения славянских литератур и привлечению внимания широкой общественности к этой проблематике способствовал IV Международный съезд славистов в Москве (1958), на котором был прочитан и обсужден ряд докладов по славянским литературам. Материалы IV съезда славистов опубликованы в «Сборнике ответов на вопросы по литературоведению» (М., 1958), в сборнике «Славянская филология», т. I — III (М., 1958), в «Исследованиях по славянскому литературоведению и фольклористике» (М., 1960), в материалах дискуссий⁸.

Степень разработанности в нашем славяноведении проблематики отдельных славянских литератур не одинакова.

В области изучения польской литературы, в соответствии с давними традициями русской и украинской литературоведческой науки, наиболее разностороннюю и глубокую разработку получает творчество классиков польской литературы XIX и начала XX в. Можно говорить о существовании у нас отрасли мицкевичеведения, добившегося существенных успехов в изучении творчества великого польского поэта, и в первую очередь его связей с русской и украинской литературой. В связи со 100-летним юбилеем со дня смерти писателя (1955) появилось большое количество работ научно-популярного и исследовательского характера. Среди них: «Поэзия Адама

ные записки Саратовского ун-та» (выпуски филологические), «Наукові записки Житомирського пед. ин-ту» и др.

⁸ Международный съезд славистов. Материалы дискуссий, т. I. Проблемы славянского литературоведения, фольклористики и стилистики. М., 1962.

Мицкевича» М. Ф. Рыльского (М., 1956), монографии И. К. Горского «Адам Мицкевич. 100 лет со дня смерти. 1855—1955» (М., 1955), С. С. Советова «Адам Мицкевич» (Л., 1956), М. С. Живова «Адам Мицкевич» (М., 1956), Б. Ф. Стакеева «Мицкевич и прогрессивная русская общественность» (М., 1955). На Украине появились книги М. Ф. Рыльского «О поэзии Адама Мицкевича» (Киев, 1955), Г. Д. Вервеса «Адам Мицкевич в украинской литературе» (Киев, 1955) и др. Юбилею Мицкевича был посвящен выпуск (М., 1956) сборника Института славяноведения «Литература славянских народов» (ЛСН), содержащий статьи С. С. Ланды «У истоков «Оды к молодости», И. И. Беккера «Произведения Мицкевича и царская цензура» и др.

За последние годы изданы также монографии о польских писателях-классиках: «Степан Жеромский» В. В. Витт (М., 1961), «Творческий путь Марии Конопницкой» А. Г. Пиотровской (М., 1962), на украинском языке — «Поэзия Юлиана Тувима. Литературно-критический очерк» Ю. Л. Булаховской (Киев, 1960) и др.

Над творчеством Ю. Словацкого работают Н. Балашев и Я. Станюкович⁹. Творчеством Б. Пруса и Э. Ожешко занимаются Е. З. Цыбенко¹⁰, В. И. Гапова¹¹, Ю. Л. Булаховская¹², А. И. Грибовская¹³; творчеством Г. Сенкевича — И. К. Горский¹⁴, творчеством С. Жеромского — В. В. Витт, В. П. Ведина, С. Г. Петров.

Постоянно возрастает интерес и к современной польской литературе. Еще в 1953 г. в Гослитиздате вышел сборник «Современная польская литература», содержащий статьи А. Суркова, В. Арцимовича, Т. Мотылевой,

⁹ Н. Балашев. Я. Станюкович. Проблемы творчества Юлиуша Словацкого начала 1840-х годов. «Вопросы литературы», 1960, № 7.

¹⁰ Е. Цыбенко. Б. Прус. Э. Ожешко. «Курс лекций по истории зарубежных литератур XX в.», т. I. М., 1956.

¹¹ В. И. Гапова. Произведения Элизы Ожешко о белорусском крестьянстве. КСИС, 1955, № 16.

¹² Ю. Л. Булаховская. Рост реалистических тенденций в творчестве Э. Ожешко конца 60-х — середины 80-х годов XIX в. «Славянские литературы», М., 1958.

¹³ А. И. Грибовская. Элиза Ожешко в оценке русской критики. «Труды кафедры русской литературы Львовского гос. ун-та», 1958.

¹⁴ И. Н. Горский. Исторический роман Г. Сенкевича «Камо Грядеши». УЗИС, 1960, т. XXI.

Е. Цыбенко и др. В 1960 г. в Киеве (на укр. яз.) издается сборник «Современные польские писатели», посвященный творчеству Я. Ивашкевича, Ю. Тувима, М. Домбровской, И. Неверли, Е. Путрамента, В. Броневского, Л. Кручиковского.

Со статьями по польской революционной литературе 20—30-х годов и по современной проблематике выступают В. А. Хорев, В. П. Ведина, Е. З. Цыбенко, А. Г. Пиотровская, Ф. Неуважный, Т. П. Агапкина и многие другие исследователи.

В литературе Чехословакии наибольшее внимание советских исследователей привлекает проблематика литературного развития в XX в., становление чешской и словацкой литературы социалистического реализма. По этому периоду написан уже целый ряд монографий: В. И. Шевчук «Карел Чапек. Антифашистские произведения» (Киев, 1958, на укр. яз.), С. А. Шерлаинова «Станислав Костка Нейман» (М., 1959), Н. Еланский «Ярослав Гашек в революционной России» (М., 1960), Т. Вановская «Юлиус Фучик» (М., 1960), И. А. Бернштейн «Творческий путь Марии Пуймановой» (М., 1961) и др. Статьи и очерки о творчестве К. Чапека писали С. В. Никольский¹⁵, О. М. Малевич¹⁶; о М. Пуймановой — И. И. Анисимов¹⁷, И. М. Порочкина¹⁸; о творчестве М. Майеровой — Р. Р. Кузнецова¹⁹; о творчестве Ю. Фучика — Н. Н. Николаева²⁰, И. М. Радволина; о творчестве В. Незвала — Л. Н. Будагова²¹; И. Ольбрахта —

¹⁵ С. В. Никольский. [Предисловие]. В кн.: К. Чапек. Сочинения в пяти томах, т. I. М., 1958.

¹⁶ О. М. Малевич. Путь Карела Чапека к реализму (К вопросу о взаимосвязи мировоззрения и творческого метода писателя). «Развитие реализма в славянских литературах», Л., 1962.

¹⁷ И. И. Анисимов. Мария Пуйманова. В кн.: М. Пуйманова. Сочинения в пяти томах, т. I. М., 1960.

¹⁸ И. М. Порочкина. Некоторые художественные особенности трилогии М. Пуймановой. «Славянские литературы», М., 1958.

¹⁹ Р. Р. Кузнецова. Путь чешской народной писательницы Марии Майеровой. «Писатели стран народной демократии», вып. 2, М., 1958.

²⁰ Н. Н. Николаева. Юлиус Фучик. «Писатели стран народной демократии», вып. 1, М., 1958.

²¹ Л. Н. Будагова. Начало пути (поэзия Витязслава Незвала в 20-е годы). ЛСН, вып. 5, 1960.

Н. Ф. Коныстянская, П. А. Клайнер²², А. М. Рот и т. д. Над творчеством П. Илемницкого и общими путями развития словацкой литературы 20—30-х годов работают Ю. В. Богданов²³, В. Д. Савицкий.

Ведется разработка и ряда проблем развития чешской и словацкой литературы XIX в. Монографию «Сватоплук Чех. Очерк жизни и творчества» (М., 1959) написал Л. С. Кишкин. Работы о Ф. Л. Челаковском и чешском романтизме принадлежат С. В. Никольскому, о Я. Неруде и П. Безруче — А. П. Соловьевой²⁴, о Я. Колларе — А. А. Зайцевой. Над словацкой литературой XIX в. и творчеством Я. Краля работает И. А. Богданова²⁵.

Все больше статей и материалов в нашей научной печати посвящается вопросам современной чешской и словацкой литературы. В 1962 г. в Москве вышла в свет книга И. А. Бернштейн и Э. М. Олоновой «Современный чешский и словацкий роман».

В области болгарской литературы наибольшее количество исследований связано с литературой периода национально-освободительной борьбы и революционной литературой 20-х годов XX в. Весьма подробно изучается у нас творчество Л. Каравелова (монография Л. В. Воробьева «Философские и социологические воззрения Любена Каравелова. 1834—1879» (М., 1962); статьи К. А. Коннержинского, Л. С. Ерихонова, О. Г. Охрименко и др.); Х. Ботева (работы академика Н. С. Державина, монографии Л. В. Воробьева «Христо Ботев» (М., 1953); К. Н. Державина «Христо Ботев» (М., 1962) и др.); И. Вазова (работы Н. С. Державина, К. Н. Державина. «Иван Вазов. Жизнь и творчество» (М.—Л., 1948), А. Собковича «Иван Вазов» (М., 1950, изд. 2—1954); В. И. Злыднева²⁶, Н. П. Михальской²⁷ и др.). Над творчеством

²² П. А. К л а й н е р . Два издания романа И. Ольбрахта «Анина-пролетарка» (1928 и 1946 гг.). КСИС, 1958, № 26.

²³ Ю. В. Б о г д а н о в . К вопросу о формировании эстетических взглядов и творческого метода Петера Илемницкого. ЛСН, вып. 4, 1959.

²⁴ А. П. С о л о в ь е в а . П. Безруч и его «Силезские песни». ЛСН, вып. 2, 1957.

²⁵ И. А. Б о г д а н о в . Словацкая романтическая поэзия и творчество Янко Краля. ЛСН, вып. 7, 1962.

²⁶ В. И. З л ы д н е в . Общественно-политические и литературные взгляды Ивана Вазова 70—80-х годов. УЗИС, 1953, т. VII.

²⁷ Н. П. М и х а л ь с к а я . Литературно-критические взгляды Ивана Вазова. «Славянская филология», вып. 2, М., 1954.

А. Константинова работает Г. Я. Ильина²⁸. Проблемами болгарского героического эпоса и его влияния на литературу занимается И. М. Шептунов²⁹.

Сборники «Статьи по болгарской литературе» выходили в Тамбове (вып. 1, 1951; вып. 2, 1957); в сборниках принимали участие Н. И. Кравцов, В. Антоненко, Ю. Левшина и др.

Проблематика литературного развития XX в. получила освещение в работах Д. Ф. Маркова (монография «Болгарская поэзия первой четверти XX в.» М., 1959), Н. И. Кравцова, В. И. Злыднева, И. М. Шептунова, Е. В. Шпилевой, Л. С. Ерихонова, В. Д. Андреева, Г. Д. Гачева, Н. Н. Пономаревой. В 1962 г. в Киеве вышел сборник «Современные болгарские писатели» (на укр. яз.), в котором помещены статьи по новой болгарской литературе Д. Ф. Маркова, И. М. Шептунова, В. Антоненко, А. Д. Кеткова.

В изучении литератур народов Югославии ряд исследователей обращается к явлениям средневекового периода, к литературе Далмации эпохи Возрождения (К. В. Зайцев³⁰, И. Н. Голенищев-Кутузов³¹). В соответствии с давней традицией русской науки изучается сербский эпос (Н. И. Кравцов³²).

Проблемам развития критического реализма в юнославянских литературах был посвящен подготовленный сотрудниками Института славяноведения АН СССР специальный сборник (ЛСН, вып. 3, 1958), содержащий статьи о творчестве С. Марковича, Р. Домановича, Йовановича-Змая, А. Шеноа.

О сербской демократической критике конца XIX — начала XX в. писала Ю. Д. Беляева, монографию «Серб-

²⁸ Г. Я. Ильина. Фельетоны Алеко Константинова. ЛСН, вып. 5, 1960.

²⁹ И. М. Шептунов. Болгарские хайдукские песни. «Славянский фольклор», М.; 1951; его же. Об эпической традиции в болгарском фольклоре. «Основные проблемы эпоса восточных славян», М., 1958; его же. Эпос южных славян. — «Эпос славянских народов», М., 1959 г. и др.

³⁰ К. В. Зайцев. Историческая основа и идеиное содержание поэмы Ивана Гундулича «Осман». ЛСН, вып. 2, 1957; его же. И. Гундулич в России. «Славянские литературы», М., 1958.

³¹ И. Н. Голенищев-Кутузов. Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв. М., 1963.

³² «Сербский эпос», т. I, М., 1960.

ская сатирическая проза конца XIX — начала XX в. и некоторые вопросы теории сатиры» (М., 1962) издал М. Богданов, о поэзии того же периода писала Р. Ф. Доронина, о сатире — Г. И. Сафонов³³.

Над творчеством А. Ашкерца работает М. И. Рыжова³⁴, Б. Крефта — М. Бершадская³⁵.

В последние годы центр внимания литературоведов-югославистов переместился на изучение проблем развития югославских литератур в XX в. Это связано с началом работ над очерками по истории литератур народов Югославии XX в. Начали появляться статьи, посвященные межвоенному периоду в литературах Югославии. Так, о словенском «социальном реализме» писала Е. И. Рябова. По вопросам послевоенного развития литературы Югославии выступают И. М. Радволина, Г. Я. Ильина, Н. Шабловская и др.

Изучение творчества отдельных славянских писателей и разработка целого ряда частных вопросов развития славянских литератур подготовило почву для начала работы над созданием обобщающих трудов по истории национальных литератур. Подготовительной работой было также написание разделов по истории культуры для изданных Институтом славяноведения АН СССР коллективных обобщающих трудов «История Болгарии», «История Польши», «История Чехословакии» и «История Югославии». Разделы по истории славянских литератур с середины 50-х годов начали включаться в вузовские учебники по истории зарубежных литератур (см. «Курс лекций по истории зарубежных литератур ХХ в.». Под ред. А. Г. Андреева и Р. М. Самарина. М., 1956 и др.). На украинском языке появились краткие «Очерки из истории болгарской литературы» И. С. Свенцицкого (Львов, 1957). Были и другие попытки представить в обобщенном виде историю той или иной славянской литературы (Д. М. Файнгелеринт, В. Б. Оболевич).

³³ Г. И. Сафонов. Политическая сатира Радос Домановича. «Славянские литературы», М., 1958; его же. Традиции русской сатирической литературы в творчестве Радос Домановича. «Вестник ЛГУ», 1958, № 14.

³⁴ М. И. Рыжова. Социальная тема в поэзии Антона Ашкерца. ЛСН, вып. 5, 1960.

³⁵ М. Бершадская. Труды Братко Крефта о русской литературе. «Русская литература», № 4, 1959.

Создание обобщающих трудов по истории национальных литератур оказалось под силу коллективам исследователей, объединенных вокруг Института славяноведения АН СССР. В 1959 г. вышли в свет «Очерки истории болгарской литературы XIX—XX вв.» (ред. В. И. Злыденев, Д. Ф. Марков, С. В. Никольский), в 1963 г.—«Очерки истории чешской литературы XIX—XX вв.» (ред. Д. Ф. Марков, С. В. Никольский, С. А. Шерлаимова). В настоящее время в Институте славяноведения идет работа по написанию «очерков истории польской литературы, словацкой литературы и литературы XX в. народов Югославии. Разделы по истории славянских литератур будут включены в «Историю всемирной литературы», подготавливаемую Институтом мировой литературы АН СССР.

Важнейшее место в изучении литератур зарубежных славянских народов занимает проблема становления и развития социалистического реализма. Уже в начале 50-х годов появляются статьи, посвященные отдельным представителям революционной литературы славянских стран, проблемам формирования литературы социалистического реализма. Среди них можно назвать статьи сборника «Современная польская литература» (М., 1953), работы Д. Ф. Маркова о Х. Смирненском³⁶, С. В. Никольского о И. Волькере³⁷ и В. И. Злыденева о послевоенной болгарской литературе³⁸. Вслед за тем были написаны первые монографии о крупнейших славянских писателях социалистического реализма: С. Шерлаимовой о С. К. Неймане, Т. Вановской о Ю. Фучике, И. Бернштейн о М. Пуймановой, Д. Ф. Маркова о болгарской поэзии первой четверти XX в. Большая работа по изучению этих вопросов была проделана при написании соответствующих разделов в очерках по истории болгарской и чешской литературу.

В последние годы все большее значение приобретает комплексная разработка проблем формирования и развития социалистического реализма в литературах

³⁶ Д. Ф. Марков. Новаторские черты поэзии Христо Смирненского (К вопросу о творческом методе поэта). УЗИС, 1954, т. VIII.

³⁷ С. В. Никольский. Иржи Волькер (Очерк творческого пути). УЗИС, 1954, т. VIII.

³⁸ В. И. Злыденев. Литература освобожденной Болгарии. УЗИС, 1950, т. II.

зарубежных славян. Первый опыт такого комплексного исследования представляет подготовленный в Институте славяноведения сборник статей (авторы: Д. Ф. Марков, С. А. Шерлаимова, Ю. В. Богданов, В. А. Хорев, В. П. Ведина, Т. П. Агапкина, Н. Н. Пономарева, Е. И. Рябова) «Формирование социалистического реализма в литературах западных и южных славян» (М., 1963), содержащий работы по пролетарской литературе Чехословакии, Польши, Болгарии, о «социальном реализме» в Словении. Планируется дальнейшая работа в этом направлении.

Попыткой дать комплексное освещение процессов в современных литературах стран народной демократии были издаваемые Институтом мировой литературы АН СССР сборники статей «Писатели стран народной демократии» (вып. I—IV. М., 1958—1960), содержащие работы по творчеству отдельных чешских, польских, словацких, болгарских писателей.

На IV Международном съезде славистов был зачитан доклад «Некоторые особенности романтизма в славянских литературах» (авторы: С. В. Никольский, А. Н. Соколов, Б. Ф. Стакеев), который представлял собой опыт выявления общих закономерностей в развитии славянских литератур XIX в. Предстоит подобного же рода работа по изучению проблемы критического реализма. Одной из первых попыток в этой области явился сборник «Развитие реализма в славянских литературах» под редакцией В. Д. Андреева и Т. И. Сафонова (Л., 1962).

Пристальное внимание советских исследователей привлекает проблематика связей русской, украинской и белорусской литературы с литературами зарубежных славян. Работы по межславянским литературным связям начали появляться уже в первые послевоенные годы (см. «Научный бюллетень ЛГУ», № 11—12, 1946 и др.). Эта проблематика нашла отражение и в первых выпусках «Ученых записок» и «Кратких сообщений» Института славяноведения, где были опубликованы статьи С. В. Никольского о связях Ф. Челаковского с русской культурой, Л. С. Кипкина о знакомстве Пушкина с культурой и общественной жизнью чехов и словаков. В 1951 г. вышли два специальных выпуска «Кратких сообщений», посвященные межславянским литературным связям: «Маяковский в славянских странах народной демократии» (КСИС, 1951, № 1) и «Горький в славянских странах народной

демократии» (КСИС, 1951, № 6). Изучалась проблематика влияния творчества Гоголя на формирование критического реализма в славянских литературах (КСИС, 1952, № 8) и т. д. Уже в начале 50-х годов важный научный центр по изучению взаимосвязей славянских литератур складывается на Украине. Появляются работы А. И. Белецкого, М. Возняка, посвященные связям со славянскими литературами творчества классиков украинской литературы Т. Шевченко и И. Франко. Очень много над этими вопросами работает и Г. Д. Вервес, которому принадлежат монографии по украинско-польским литературным связям («Адам Мицкевич в украинской литературе». Киев, 1952; 2-е изд.— 1955; «Иван Франко и вопросы украинско-польских общественно-литературных связей 70—90-х годов XIX в.» Киев, 1957 и ряд других работ). Над проблемами связей украинской литературы с польской, чешской и болгарской работают также Журавская («Иван Франко и зарубежные литературы». Киев, 1961), В. П. Ведина («Общественно-литературные связи пролетарских писателей Западной Украины и Польши 20—30-х годов XX в.» Киев, 1960), П. Гонтарь, О. В. Шпилевая и др. В 1958 г. в Киеве вышел сборник статей «Межславянские литературные взаимосвязи».

Связи зарубежных славянских литератур с белорусской литературой исследуются литературоведами Белоруссии (М. Г. Ларчанка, В. М. Тимофеева, В. И. Гапова, О. А. Лойко, С. Александрович, П. П. Охрименко и др.).

К IV Международному съезду славистов в Черновицком университете был подготовлен сборник «Проблема перевода и межславянских литературных взаимосвязей» («Ученые записки Черновицкого гос. ун-та», № 30, 1958).

В 1959 г. вышел из печати подготовленный Институтом мировой литературы сборник статей «Из истории связей славянских литератур».

Проблема межславянских литературных связей нашла отражение и в книге Т. Б. Балашевой, О. В. Егорова и А. Н. Николюкина «Советская литература за рубежом. 1917—1960» (М., 1962).

Над связями русской литературы с литературами западных и южных славян работают Л. С. Кишкин, В. И. Злыднев, Н. И. Крацов, А. А. Зайцева, Д. С. Прокофьев, М. Гольберг, Ш. Ш. Богатырев и многие другие исследователи.

За последние годы постоянно растет число публикаций архивных материалов, относящихся к взаимосвязям славянских литератур.

Большой размах приобретает библиографическая работа: издание библиографических справочников по отдельным славянским писателям, по советским работам в области славянских литератур.

Советские литературоведы-слависты ведут большую работу по популяризации славянских литератур: выступают как авторы предисловий к изданию переводов произведений славянских писателей, различных сборников и антологий, публикуют статьи и рецензии по славянским литературам в общественно-политических и литературно-художественных журналах.

РАБОТЫ ПО СЛАВЯНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Изучение в СССР южно- и западнославянских языков — языков зарубежного славянства тесно связано с задачами и результатами изучения отечественных восточнославянских языков, с разработкой проблем общего языкознания в нашей стране. И хотя объем исследований по восточнославянским языкам, естественно, во много раз превосходит объем и круг проблематики, связанный с исследованием языков зарубежного славянства, древнейшего славянского лингвистического ландшафта, все же послевоенные работы по сравнительно-историческому, сравнительно-типологическому и описательному славянскому языкознанию западно- и южнославянских языков хорошо отражают тот путь, по которому шла наша лингвистика за два последних десятилетия.

Каждая разноплановость и разобщенность научных задач синхронного описания языков (преимущественно современного состояния) и их исторического, особенно сравнительно-исторического изучения снимается в последнее время все более ясным представлением о том, что история языка или группы языков должна строиться по принципу структурной диахронии, т. е. описания хронологически последовательной серии синхронных срезов (для древнейшего состояния реконструируемых), и что между сравнительно-историческим и сравнительно-типологическим изучением языка нет глубоко принципиального различия. Типология, возникшая на базе изучения

неродственных и разносистемных языков, оказалась вполне применимой в сфере языков, принадлежащих к одной семье, и развилаась в несколько специфическую дисциплину — типологию языков со значительной степенью близости (родства). Эта частная дисциплина, оставаясь в рамках общей типологии, обогатила последнюю более тонкими методами исследования, позволяющими рассматривать и сопоставлять отдельные фонологические, морфологические и семантические детали (и их соотношения), отнюдь не маловажные, однако, для общий теории языка. Так называемое традиционное языкознание, уделявшее основное внимание сабиранию и описанию отдельных фактов, и языкознание «структурное», обращавшее на первых порах свой взор главным образом на систему основных связей и отношений, не вступают в серьезное противоречие, если речь идет об изучении старого материала новыми, более сложными и комбинированными методами. Достаточно добросовестно собранный инвентарь (а таким сбором занимались младограмматики XIX в.) пригоден для статистической обработки и для установления моделей системных отношений тех единиц, которые он составляет. Внутрилингвистические задачи исследования дополняются и обогащаются внешнелингвистическими задачами, которые в плане историческом (и не только историческом) ставит прежде всего пространственная лингвистика. Вот почему современное сравнительно-историческое славянское языкознание, которое все более превращается в историческую сравнительно-типологическую фонетику, грамматику и лексикологию славянских языков и диалектов, уже не может обходиться без лингвогеографических исследований, а ее дальнейший успех во многом зависит от характера, принципиальных установок и результатов таких широких научных предприятий, как национальные славянские и общеславянский атласы.

Таким образом, в развитии славянского языкознания в СССР в послевоенный период наблюдается во многом постепенный переход от исследований, посягших более описательный характер, ставящих обычно ряд частных, хотя и важных проблем, к исследованиям, полнее учитывющим праславянский, древний славянский и современный славянский лингвистический ландшафт в целом, к исследованиям, связанным с кардинальными задачами славянского типологического и общего языкознания.

Основные лингвистические проблемы, разрабатывающиеся в славистических центрах нашей страны, касаются сравнительно-исторической грамматики славянских языков, древнейших славяно-неславянских языковых связей, славянской прародины, славянской лингвистической географии, старославянского языка, славянской (преимущественно южнославянской) диалектологии, исторической грамматики, современной фонетики, фонологии и грамматики славянских языков, типологии современных славянских языков. В СССР ведутся исследования по всем зарубежным славянским языкам: чешскому, словацкому, польскому, лужицко-сербским, болгарскому, сербохорватскому, македонскому и словенскому. Особое внимание уделяется славяно-балтийским языковым отношениям (древним и современным), изучаются древнейшие славяно-германские контакты, сделаны отдельные наблюдения по славяно-иранским, славяно-кельтским языковым связям, идет подготовка к более широким исследованиям балканского языкового союза.

Эта работа ведется в основных славистических центрах: в Институте славяноведения АН СССР в Москве (в двух секторах — секторе сравнительного славянского языкоznания и секторе структурной типологии славянских языков), в Институте русского языка АН СССР в Москве, в секторе славянского и общего языкоznания Института языкоznания им. А. А. Потебни АН Украинской ССР в Киеве, в секторе славянского и общего языкоznания Института языкоznания им. Я. Коласа АН Белорусской ССР в Минске, на кафедрах славяноведения Московского, Ленинградского, Львовского и Киевского университетов. Отдельные проблемы славянского языкоznания разрабатываются также профессорами и преподавателями высших учебных заведений Вильнюса, Риги, Тарту, Ужгорода, Одессы, Харькова, Воронежа, Житомира, Фрунзе, Алма-Аты, Самарканда, Владивостока и других городов.

О размахах славистических языковедческих работ в нашей стране достаточно убедительно свидетельствует справочник «Славянское языкоznание. Библиографический указатель литературы, изданный в СССР с 1918 по 1960 г.» (ч. I (1918—1955), ч. II (1956—1960), М., 1963). В ней читатель найдет полный список работ, выполненных почти за сорокалетний период. Указатель за 1956—1960 гг. снабжен краткими аннотациями.

Настоящий обзор, естественно, не может охватить всей советской лингвистической литературы и ограничивается лишь указанием на основные труды, преимущественно монографического характера.

Сравнительно-исторические исследования славянских языков всегда ставили своей центральной задачей реконструкцию праславянского языка. Этот вопрос даже крупнейшие компаративисты-слависты еще до недавнего времени решали обычно в плане каталогизации отдельных реконструированных форм (при этом реконструкция форм, однородных по функции и по месту в системе, производилась различными, часто противоречивыми методами), без строгого учета фактов относительной хронологии и с явно недостаточным обращением к внутренней реконструкции. В статье «Некоторые соображения относительно изучения истории праславянского языка» («Славянское языкознание», М., 1959) В. Н. Топоров справедливо отмечает, что праславянский язык так же, как и другие языки, имел свою историю, которую следует описывать в виде ряда последовательно сменяющихся синхронных состояний, моделируемых на основе принципа системности внутриязыковых отношений. Этого принципа во многом придерживался С. Б. Бернштейн в своем «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» (М., 1961), посвященном описанию фонетического уровня языка. «Очерк» С. Б. Бернштейна задуман как научное пособие для студентов. Поэтому он выгодно отличается от других исследований подобного рода простотой и ясностью изложения, но является в то же время оригинальным и во многом новаторским трудом по сравнительному славянскому языкознанию. Сильная сторона «Очерков» — стремление к последовательному разграничению хронологически различных пластов, к объяснению ряда отдельных процессов и явлений как взаимообусловленных и в принципе единых; спорная сторона, по мнению рецензентов, — недостаточное разграничение фонетического и фонологического моментов, что объясняется, отчасти, трудностями реконструкции. Довольно смелую попытку построения истории праславянского вокализма и консонантизма исключительно на фонологической основе с учетом «пустых клеток» в системе, их замещения и возникновения в результате фонологического перераспределения производит В. К. Жу-

равлев в подготовленной им докторской диссертации («Вопросы языкоznания» (ВЯ), № 4, 1962; ВЯ, № 2, 1963). «Развитие корреляции твердых и мягких согласных фонем в славянских языках» (М., 1961) в поздний период от распада праславянского единства и до современного состояния исследовала Л. Э. Калнынь.

Праславянская морфология в довольно традиционном плане, хотя и с учетом ряда новых теорий и положений, описана П. С. Кузнецовым в «Очерках по морфологии праславянского языка» (М., 1961). См. также его работу «Чередование в общеславянском языке-основе» («Вопросы славянского языкоznания» (ВСЯ), № 1, 1954). М. А. Гадолина посвятила свою книгу «История форм личных и возвратных местоимений в славянских языках» (М., 1963) сравнительному изучению категории местоимения в так называемый «исторический», т. е. не праславянский период.

Серьезное внимание ряда советских славистов было обращено на синтаксис — область, которая после Франца Миклошича была в некотором небрежении у авторов капитальных сравнительных грамматик славянских языков. Представлялось, что легче поддается реконструкции сфера падежной системы и значений отдельных падежей. С этой целью в Институте славяноведения АН СССР авторским коллективом была выполнена коллективная работа «Творительный падеж в славянских языках» (М., 1958), в которой были выявлены отдельные типы древнейших конструкций и значений, свойственных, вероятно, праславянской поре. Книга В. Н. Топорова «Локатив в славянских языках» (М., 1961) выгодно отличается по широкому обращению к индоевропейскому и исчерпывающей полноте славянского материала. А. Б. Правдин готовит монографию о дательном падеже в славянских языках, отдельные части которой уже опубликованы в разных изданиях (УЗИС, т. XIII, 1956; КСИС, № 25, 1958 и др.). Несмотря на ряд интересных наблюдений и выводов, сделанных в упомянутых работах, следует тем не менее признать, что лингвистика еще не установила надежных критериев реконструкции синтаксиса и в сфере значения падежей (синтаксис словоо сочетания) и в сфере предложения (синтаксис предложения) тем более.

Киевский коллектив славистов закончил составление краткой, чисто учебной и потому не претендующей на постановку и разрешение многих спорных и принципиаль-

ных задач «Сравнительной грамматики славянских языков», содержащей разделы фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. Эта книга выйдет, вероятно, в свет в будущем 1964 г. Ведущий украинский славист, ныне покойный Л. А. Булаховский подвел в послевоенный период итоги своим многолетним акцентологическим исследованиям изданием серии комментариев к польскому (Киев, 1950), чешскому (Киев, 1953), болгарскому языкам (доклад на IV съезде славистов) и рядом других работ по славянскому ударению. Им же написан и ряд работ по вопросам грамматической аналогии в славянских языках (см. его статью в сб. «Славянская филология», I, М., 1958 и др.).

Новый материал и новую постановку вопроса в важной проблеме балто-славянских акцентологических соотношений имени и глагола предложили в своих работах В. М. Иллич-Свитыч и В. А. Дыбо (речь идет о книге В. М. Иллича-Свитыча «Именная акцентуация в балтийском и славянском языках», М., 1963), статье В. А. Дыбо «Сокращение долгот в кельтско-итальянских языках и его значение для балто-славянской и индоевропейской акцентологии» (ВСЯ, № 5, 1961) и серии других статей тех же авторов, среди которых следует упомянуть этюд В. А. Дыбо «О реконструкции ударения в праславянском глаголе» (ВСЯ, № 6, 1962).

Историю изучения балто-славянских языковых отношений с учетом современных научных проблем и задач в этой области изложил В. Н. Топоров в трех обширных обзорных статьях (см. УЗИС, т. XVII, 1959; ВСЯ, № 3, 1958; УЗИС, т. XXIII, 1962). Общие результаты рассмотрения этого вопроса и перспективы изложены им же в докладе «К проблеме балто-славянских языковых отношений» (КСИС, № 33—34, 1961). Его перу принадлежит также ряд работ по балтийской топонимике, по балтийскому глаголу, по прусским этимологиям и важный в принципиальном и методологическом отношении доклад на предшествующем съезде славистов «К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков» (совместно с В. В. Ивановым). В нем выяснялось отношение моделей древнейшего состояния балтийского и славянского языков, выводились формальные показатели степени тождества этих систем, определялось их взаимоотношение с целью установления их исходной

(имелась в виду не индоевропейская) системы и был сделан вывод, что модель, установленная для славянского языка, является результатом преобразования модели, установленной для древнейшего балтийского состояния.

Интересные наблюдения в плане некоторых типологических параллелей ситуации и даже ее результатов с древнейшим состоянием могут дать предпринимаемые в настоящее время исследования современных балтийско-славянских контактов и смешений диалектов, преимущественно литовско-белорусских. Наглядный свод всех выявленных до сих пор славяно-иранских соответствий и ряд интересных наблюдений предложил А. А. Зализняк (см. его статью «Проблемы славяно-иранских языковых отношений древнейшего периода» (ВСЯ, № 6, 1962) и др.).

В области изучения праславянского лексического состава следует прежде всего отметить многочисленные этимологические этюды О. Н. Трубачева, особенно две его книги: «История славянских терминов родства» (М., 1959) и «Происхождение названий домашних животных в славянских языках» (М., 1960). В настоящее время В. Н. Трубачев вместе с группой сотрудников занят составлением «Этимологического словаря славянских языков», нелегкой задачей которого (так же, как и краковского «Праславянского словаря») явится реконструкция праславянского лексического фонда, а не корневого инвентаря, и тем самым и определение словообразовательной системы. Такая работа при ее успешном завершении окажется одним из важнейших компонентов общей реконструкции праславянского языка (см. проспект, пробные статьи словаря, М., 1963).

Проблемы праславянского языка, его диалектного членения и территориального распространения привлекли внимание Ф. П. Филина, который в книге «Происхождение языка восточных славян» (М., 1962) ввел некоторый новый, преимущественно восточнославянский лексический материал и высказался в пользу гипотезы восточной верхне- и среднеднепровской локализации славянской прародины. Попытку ввести новые аргументы в пользу противоположной висло-одерской локализации прародины на трудном в этимологическом отношении материале славяно-германских соответствий произвел В. В. Мартынов в книге «Древнейшие славяно-германские языковые отношения» (Минск, 1963). Несмотря на очень значитель-

ные и плодотворные усилия многих славянских ученых, прежде всего польских, вопрос локализации славянской прародины остается открытым и для его успешного разрешения, помимо археологических, энтомографических и чисто лингвистических компаративных исследований, едва ли не одно из решающих значений имеют исследования топонимические. Вот почему с большим интересом была встречена монография В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева «Лингвистический анализ гидронимом верхнего Поднепровья» (М., 1962), где намечена картина соотношений славянского, балтийского и иранского этноса на рассмотренной территории в I — начале II тысячелетия н. э. (особенно интересно подтверждение существования идущего далеко на восток и юго-восток «балтийского клина»).

Лингвистическая география славянских языков как одна из сравнительно молодых, очень перспективных и еще не продемонстрировавших всех своих исключительных возможностей дисциплин все шире внедряется в практику исследований наших лингвистов. Вслед за первым томом русского атласа увидел свет «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы» (Минск, 1963) — первый большой атлас славянского языка, обследованного целиком; готовится украинский атлас и скоро выйдет из печати третий том локального лексического атласа — «Лінгвістичний атлас українських народних говорів Закарпатської області УРСР» (Ужгород, т. I, 1958; т. II, 1960). Московские слависты выпустили к IV съезду славистов «Атлас болгарских говоров в СССР» (М., 1958) и приняли активное участие в работе над вышедшим к V съезду славистов «Български диалекти атлас. Том I. Юго-източна България» (ред. проф. Ст. Стойков и проф. С. Б. Бернштейн, София, 1963).

Сразу же после второй мировой войны вслед за А. И. Бодуэном де Куртенэ и А. Мейе Б. А. Ларин поднял вопрос о создании общеславянского атласа (см. его статью «О принципах составления атласа славянских языков». — «Ученые записки ЛГУ», серия филол., вып. 14, 1949), который был поставлен на реальную основу лишь на прошлом славистическом съезде (см., например, доклад Р. И. Аванесова и С. Б. Бернштейна «Лингвистическая география и структура языка». — М., 1958). Теперь мы уже являемся свидетелями начала работы над этим грандиозным по размаху и чрезвычайно важным по будущим

результатам предприятием. Однако уже сейчас очевидно, что общеславянский атлас не сможет решить всех стоящих перед славянской пространственной лингвистикой проблем и что наряду с ним следует создавать большие ареальные и меньшие локальные, частные атласы. Задачу выявления восточно-южнославянских диалектных связей и соотношений, главным образом на материале лексики, ставит новый «Карпатский диалектный атлас», работа над которым проводится на территории Западной Украины (подробнее см. статью руководителя работ С. Б. Бернштейна в ВЯ, № 4, 1963). К этому начинанию примыкает уже ведущаяся коллективная работа (руководитель Н. И. Толстой) по изучению словарного фонда Полесья, которая будет представлена отчасти в лингво-географическом аспекте и ставит своей задачей, помимо прочего, и определение ряда полесско-западно- и южнославянских лексических соответствий. Географии отдельных славянских слов посвящены небольшие этюды Г. П. Клепиковой о названиях птиц (ВСЯ, № 5, 1961) и Н. И. Толстого о названиях дождя и саламандры (ВСЯ, № 6, 1962).

Старославянский язык является в нашей стране обязательным предметом во всех высших учебных заведениях с филологическим профилем. Этим, в частности, объясняется появление в послевоенный период значительного числа новых пособий и грамматик по старославянскому языку (Н. М. Елкиной, Л. В. Матвеевой-Исаевой, В. П. Бесединой-Невзоровой). Однако лучшим руководством с рядом интересных исследовательских наблюдений и обобщений остается у нас посмертно изданный труд А. М. Селищева «Старославянский язык» (ч. I, М., 1951; ч. II, 1952). Из более крупных работ и монографий по грамматическому строю и лексике старославянского языка следует отметить исследование В. В. Бородич «Видовые отношения старославянского глагола» (М., 1953), основные положения которого изложены и развиты в ряде статей (см. УЗИС, т. IX, 1954; ВЯ, № 6, 1953, и др.); затем исследование Е. В. Чепико «К истории славянских глагольных видов» (УЗИС, т. III, 1951) и интересную книгу И. К. Буиной «Система времен старославянского глагола» (М., 1959), в которой дается дальнейшее развитие мыслей акад. Б. Гавранка об относительной независимости славянских категорий вида и времени. Идеи Ю. Курловича о сущности падежной категории разрабатываются

на старославянском материале К. И. Ходовой в книге «Система падежей старославянского языка» (М., 1953. См. также ее статью в УЗИС, т. XIX, 1960). Вопрос о категории определенности и неопределенности старославянских прилагательных рассмотрен Н. И. Толстым в исследовании «Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке» (ВСЯ, № 2, 1957). Книга А. Е. Супруна «Старославянские числительные» (Фрунзе, 1961), так же как и его брошюра «Полабские числительные» (Фрунзе, 1962), являются частью подготовленной автором докторской диссертации о развитии категории имени числительного в славянских языках.

В духе работ Ф. Ягича, но с большим вниманием к контексту и с привлечением некоторого диалектного материала выполнил свое исследование лексических вариантов в древнейших старославянских текстах А. С. Львов (см. его «Очерки по лексике памятников старославянской письменности» в кн.: Исследования по лексикологии и грамматике русского языка, М., 1961). Л. П. Жуковская готовит большую работу по изучению лексических вариантов в древнеславянских евангельских кодексах русской редакции. Группа лингвистов Института славяноведения АН СССР под руководством Р. М. Цейтлин в сотрудничестве с чехословацкими учеными, возглавляемыми проф. И. Курцем, составляет словарь «классических» старославянских текстов (о методологических основах этого словаря см. в статье Р. М. Цейтлин «О принципах составления словаря старославянского языка». — ВСЯ, № 6, 1962). Оживился также интерес к церковнославянскому языку, главным образом к языку древней письменности, сыгравшей значительную роль в истории восточно- и южнославянских литературных языков. Н. И. Толстой в ряде статей (см. ВЯ, № 1, 1961; сб. «Вопросы образования восточнославянских национальных языков», М., 1962 и др.) сделал попытку обосновать возможность построения истории церковнославянского языка от X до XVIII в. включительно.

Исследования по южно- и западнославянской диалектологии велись у нас на несколько ограниченном материале, так как весь основной диалектный массив этих языков находится вне пределов нашей страны. Все же в СССР в области изучения болгарских говоров сделано больше, чем во всех

остальных зарубежных странах, кроме Болгарии¹. В послевоенный период выпуло десять выпусков серии «Статьи и материалы по болгарской диалектологии» (М., 1948—1962), где был опубликован ряд статей и исследований, среди которых следует отметить монографическое описание говора ольшанских болгар (Кировоградская область УССР) И. К. Буниной и монографию о говоре села Криничное (бывшая Чешма-Варупта, Одесской области УССР) В. К. Журавлева. Часть результатов полевых исследований московских диалектологов на территории Болгарии будет опубликована в сборнике статей «Юго-Восточные болгарские говоры» (в печати). Л. Э. Калнынь обобщает и систематизирует свои полевые записи и уже опубликованные материалы для будущей монографии о фонологических системах современных сербо-лузицких говоров. В сфере исторической диалектологии единственным крупным пока остается труд С. Б. Бернштейна «Разыскания в области болгарской исторической диалектологии. Том I. Язык валашских грамот XIV—XV вв.» (М.—Л., 1948), проливающий свет на процессы развития новоболгарского языка и формирование его аналитического строя.

Грамматический строй современных славянских языков и исторические процессы его становления были предметом многочисленных исследований наших славистов. Ю. С. Маслов написал для русского читателя оригинальный «Очерк болгарской грамматики» (М., 1956). Того же типа является «Очерк грамматики чешского языка» (М., 1952) А. Г. Широковой, которая в дополнение к нему составила университетское пособие «Чешский язык» (М., 1961), где наряду с современным состоянием излагаются основные моменты исторической фонетики и исторической морфологии. Теоретические вопросы болгарской грамматики — проблема падежей и предлогов, словообразования, глагольного вида, пересказывательного наклонения и синтаксиса предложения — разрабатывались в книге «Вопросы грамматики болгарского литературного языка» (М., 1959; авторы: Е. В. Чешко, Е. А. Захаревич, Ю. С. Маслов, Е. И. Демина, М. Г. Рожновская).

¹ Подробнее см. обзор Г. К. Венедиктова «Итоги изучения в СССР вопросов болгарской диалектологии» (КСИС, № 35, 1962)

Вопросам словообразования и грамматики чешского языка посвящен сборник «Исследования по чешскому языку» (М., 1963; авторы: А. В. Бондарко, Л. И. Ройзензон, А. Г. Широкова, Т. А. Ацааркина, Г. П. Нещименко, Т. И. Константинова, К. К. Трофимович, В. Н. Питинов). Следует специально отметить также и впервые изданный «Сербо-лужицкий лингвистический сборник» (М., 1963), посвященный вопросам фонологии, акцентологии, грамматики и лексики сербо-лужицких языков (авторы: С. Б. Бернштейн, В. А. Дыбо, М. И. Ермакова, Л. Э. Калнынь, М. А. Михайлов, А. Е. Супрун, О. Н. Трубачев и др.).

Особое внимание лингвистов-славистов привлекали проблемы вида и времени в славянских языках. Значительное количество работ, трактующих эти проблемы с достаточной полнотой и разносторонностью, привело к довольно ощутимым результатам в области славянской аспектологии и теории значения и употребления времен. Здесь следует прежде всего упомянуть книгу Ю. С. Маслова «Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке» (М., 1963) и ряд других его работ по славянскому виду (см. его доклад на IV съезде славистов, статьи: ВСЯ, № 1, 1954; «Български език» (БЕ), VIII, 1958 и др.), работы по вопросам вида и времени в славянских языках А. В. Бондарко (УЗ ЛГУ, № 250, серия филол. наук, вып. 44, 1958; сб. «Славянское языкознание», М., 1959; УЗИС, т. XXIII, 1962 и др.); работы по морфологии болгарского глагольного вида Г. К. Венедиктова (см. БЕ, X, 1960; КСИС, № 30, 1961 и др.), по морфологии польского глагола З. Н. Стрекаловой (УЗИС, т. XXIII, 1962 и др.), сербского глагола Р. В. Булатовой (УЗИС, т. XXIII, 1962) и др.

Проблеме значения и употребления претеритальных времен и их истории был посвящен ряд диссертаций и монографий на материале болгарского языка (Е. И. Демина), сербского (И. Е. Можаева), словацкого (Л. Н. Смирнов) и лужицко-сербских языков (М. И. Ермакова).

Сравнительное описание современных славянских словообразовательных систем дано в книге И. И. Ковалика «Питання іменникового словотвору в східнослов'янських мовах у порівнянні з іншими слов'янськими мовами» (Львов, 1958) и ряде других его работ. Отдельные работы монографического характера посвящены именному сло-

вообразованию в чешском языке (Р. В. Кравчука, Г. П. Непцименко, Т. Б. Лукиновой), в сербо-лужицком (М. А. Михайлова), в польском (В. С. Золотовой, М. О. Онышкевича).

Из синтаксических проблем исследовался порядок слов в чешском (В. И. Коломиец) и польском языке (А. С. Посьянская), структура сказуемого в словацком языке (М. В. Самулик), синтаксис сложного предложения в историческом и современном аспекте в польском (Я. В. Мацсович, О. Б. Ткаченко), в сербохорватском (П. А. Дмитриев) и чешском (В. Т. Коломиец, Л. И. Ройзензон), в болгарском языке (Е. А. Захаревич) и др.

В этом обзоре нами опускается перечисление довольно многочисленных вышедших в СССР двуязычных словарей славянских языков. Следует только отметить, что накануне V съезда славистов увидел свет «Македонско-русский словарь» (М., 1963) — первый полный двуязычный словарь современного македонского языка.

Структурно-типологические исследования славянских языков, исключительно важные не только для раскрытия механизма славянских языков как таковых, но и для разработки ряда кардинальных проблем общего языкознания, получили свое достаточно широкое развитие лишь после IV съезда славистов. Правда, еще накануне этого съезда вышла в свет книга С. К. Шаумяна «История системы дифференциальных признаков в польском языке» (М., 1958), в которой впервые была продемонстрирована возможность применения диахронической теории фонем в диахроническом аспекте на примере трех синхронных срезов (XII, XVI, XX вв.). Это исследование, а также ряд других работ по фонологии польского языка, послужили автору исходной базой для создания чисто теоретического труда «Проблемы теоретической фонологии» (М., 1962).

Основные направления и методы исследований в области типологии славянских языков были изложены в статье М. И. Бурлаковой, Т. М. Николаевой, Д. М. Сегала и В. Н. Топорова «Структурная типология и славянское языкознание» (КСИС, № 33—34, 1961 и «Структурно-типологические исследования» (СТИ), М., 1962), в которой были выделены следующие задачи: создание структурных описаний систем славянских языков, их статистическое

обследование и исследование дистрибутивных структур. Над этими проблемами в настоящее время идет работа в секторе структурной типологии славянских языков Института славяноведения АН СССР. Создание структурных грамматик отдельных славянских языков основано на принципе последовательного разделения анализа («от формы к значению») и синтеза («от значения к форме»). Описанию методики таких операций и посвящен доклад З. М. Волоцкой, Т. Н. Молошной, Т. М. Николаевой, И. И. Ревзина и Т. В. Цивьян на V съезде славистов. На том же принципе основана подготовляющаяся к печати работа Т. В. Цивьян по типологии системы имени в языках балканского языкового союза. Важной частью работ по алгоритмическому описанию славянских языков явится исчерпывающее формальное описание системы имени, включая типы ударений. Такой анализ русской морфологии уже проведен А. А. Зализняком. Д. М. Сегал на материале фонологического уровня польского языка проводит ряд машинных экспериментов по выяснению частотности фонем, частотности дифференциальных признаков и их связей. Близка к завершению монография М. И. Лекомцевой, в которой рассматриваются дистрибутивные структуры славянских языков в связи с определением моделей слова и предполагается изложить законы слогообразования всех славянских и некоторых неславянских языков в виде единого правила порождения цепочек фонем. В целях теоретического обоснования методов и приемов структурной типологии производится катологизация фонологических систем славянских языков и устанавливаются некоторые общие характеристики для сравнения этих систем (см. доклад М. И. Лекомцевой, Д. М. Сегал, Т. М. Судник и С. М. Шур на V съезде славистов).

Важным звеном в общей системе типологических исследований является выработка общих принципов моделирования. Этому вопросу посвящена книга И. И. Ревзина «Модели языка» (М., 1962). Тот факт, что для основной интерпретации теории моделей послужили славянские языки, с одной стороны, обусловил структуру книги (в отличие от трансформационной грамматики Хомского в ней основное внимание уделяется парадигматической системе словоизменения), а с другой стороны, несомненно, привлек внимание широкого круга лингвистов к славистической проблематике. А. А. Зализняк под-

готовил на материале славянских и ряда неславянских языков лингвистический задачник, в котором положения структурной лингвистики изложены в виде серии способов решения лингвистических задач.

По общей методологии структурной лингвистики готовится монография В. В. Иванова «Исследования по структурной типологии праславянского и его место среди других индоевропейских диалектов» и книга того же автора «Очерки по структурной лингвистике и семиотике». Представление об общей научной направленности готовящихся очерков может дать статья А. А. Зализняка, В. В. Иванова и В. Н. Топорова «О возможности структурно-типологического изучения некоторых моделирующих типологических систем» (СТИ, М., 1962), где рассматриваются типы и уровни моделирования, включая анализ поэтической речи, народных былин, славянской мифологии и т. п.

Таким образом, при всем разнообразии современной славистической проблематики основные устремления наших лингвистов-славистов направлены к одной цели: всестороннее описание структуры современных славянских языков и диалектов как в статике, так и в динамике на базе сравнения каждой языковой системы с определенной моделью (prasлавянской при сравнительно-историческом, наддиалектной при типологическом и лингвогеографическом и абстрактно-логической при общетеоретическом исследовании).

ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕТСКИХ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Мы охарактеризовали основные результаты славистических исследований в СССР за истекший после второй мировой войны период времени. Наш обзор не мог ставить своей задачей дать исчерпывающую характеристику всего того, что было проделано у нас в стране по истории, истории культуры, языку и литературе зарубежных славянских народов после 1945 г. Не все работы упомянуты нами, не обо всех исследователях удалось сказать. Авторы, впрочем, и не стремились к этому. Им хотелось только остановиться на основных, главных направлениях ис-

следований советских славистов, охарактеризовать главные группы работ¹.

Разработка славистических исследований в СССР находится в настоящее время на подъеме, в работу включились большие научные силы как центральных научных учреждений, так и научных и учебных центров на местах.

Большой накопленный научный и научно-организационный опыт позволяет более четко и на более отдаленные сроки намечать перспективы исследований, так, чтобы они прямо отвечали насущным задачам современности.

Именно эту цель преследовало состоявшееся в январе 1961 г. в Москве первое координационное совещание по славяноведению, на котором были подведены некоторые итоги славистических исследований в СССР и сформулированы основные направления дальнейшей исследовательской работы.

В работе координационного совещания, созданного Институтом славяноведения по поручению Объединенного научного совета по координации научно-исследовательских работ в области славяноведения при Президиуме АН СССР, приняло участие 516 человек, представлявших 39 научно-исследовательских институтов и других учреждений Академии наук СССР и Академий наук союзных республик, 19 университетов, педагогических институтов 19 городов Советского Союза и 25 других учреждений (издательств, архивов, библиотек), связанных в своей работе со славяноведческой проблематикой.

Доклад о состоянии и основных задачах советского славяноведения и вопросах координации славистических исследований сделал директор Института славяноведения И. И. Уdal'цов.

Историко-славистической тематике было посвящено восемь докладов.

Помимо исторической работали также литературоведческая и лингвистическая секции. На заключительном заседании 27 января 1961 г. была принята резолюция,

¹ Подробную библиографию славистических исследований по 1960 г. см.: Советское славяноведение. Литература о зарубежных славянских странах на русском языке. М., Изд-во АН СССР, 1963.

в которой сформулированы основные задачи и направления славистических исследований².

Ход прёний на совещании и содержание резолюции показывают, что главное направление исследовательской работы центрального славистического учреждения в СССР — Института славяноведения — было в основном намечено правильно. Вместе с тем в ходе совещания еще раз подтвердилась та важная роль, которую играли и играют в советском славяноведении исследования историко-славистического направления. При этом центр тяжести этих исследований — проблематика новейшей истории, истории сегодняшнего дня.

Заглядывая в день завтрашний, советские историки-слависты должны концентрировать свои силы на исследовании процессов социалистического строительства, так же как историки культуры и филологи — на процессах формирования социалистической культуры в славянских странах.

Изучение основных закономерностей строительства социализма в славянских странах, тех сложных и больших процессов, которые ведут и в ближайшем будущем приведут все страны социалистического лагеря к общему выравниванию уровня их общественно-экономического и культурного развития, — одна из важнейших задач советских славистических исследований.

Большое внимание советские историки-слависты уделяли и по-прежнему будут уделять вопросам новейшей истории, истории рабочего и коммунистического движения славянских стран.

Весьма актуальной проблемой остается также разработка вопросов национально-освободительного движения в славянских странах.

Революционные связи трудящихся славянских стран с народами России, влияние ленинских идей на революционное движение, тесные связи Коммунистической партии Советского Союза с братскими партиями славянских стран, международная помощь российского пролетариата пролетариату славянских стран — все эти вопросы по-прежнему требуют пристального внимания.

² Материалы совещания опубликованы в КСИС, № 33—34, 1961.

Внимания и творческих усилий советских славистов требует широкая культурно-историческая проблематика. В этой области в нашей науке сделано еще не много. Между тем систематическое искажение вопросов культурного развития славянских народов в западноевропейской и американской буржуазной литературе делает эту область исследований особенно научно актуальной. Первоочередной задачей является изучение происходящей на наших глазах в славянских странах народной демократии культурной революции, вопросов становления и развития социалистического реализма. Вместе с тем важное значение приобретают и вопросы взаимовлияния и взаимопроникновения языков и культур славянских и неславянских народов. Изучение этой проблематики безусловно поможет дать правильную оценку далеко еще не понятой роли славянских народов в развитии и зарождении мировой культуры.

Продолжая изучение узловых вопросов эпохи феодализма и капитализма, имеющих актуальное значение, советские историки-слависты должны прежде всего сконцентрировать свои усилия на разработке больших тем, решаемых в широком сравнительно-историческом плане, с учетом сложной восточноевропейской и общеевропейской проблематики. В равной мере это относится к таким проблемам, как происхождение феодализма и феодальной государственности или возникновение на востоке Европы фольварочно-барщинной системы, генезис капитализма и национальный подъем в славянских странах XVIII—XIX вв.

Богатства наших архивов делают весьма перспективными и некоторые частные темы из истории политического и социально-экономического развития славянских стран, особенно Польши, Болгарии и части югославских земель в XIX—начале XX в., из истории общественно-политических и культурных связей между ними.

Важной задачей советских славистов остается изучение межславянских отношений и связей с древнейшими временем до нашего времени в самых различных аспектах их развития. Преимущественное внимание здесь должно быть, однако, уделено изучению революционных связей славянских народов с народами России, а также связям в области экономики и культуры, поскольку именно в области изучения экономических и культурных связей,

в настоящий момент может быть констатировано известное отставание.

Наконец, важное место должны занять исследования славяно-германских отношений в их весьма сложном прошлом и не менее сложном настоящем. Речь идет о развертывании работы по очень широкому фронту исследований. В задачи советских славистов входит решительная борьба с реакционной идеологией западногерманского реваншизма, со зловещими попытками германского «остфоршунга» приспособить к захватническим политическим целям германского империализма соответствующим образом интерпретируемую историю славяно-германских отношений.

В объективно нарисованной картине истории славяно-германских отношений предстанут многовековые культурные связи, совместная революционная борьба трудящихся масс, революционный подвиг пролетариата. У трудового народа Германии нет спорных вопросов со славянскими социалистическими странами. Спор идет между народами славянских стран и Германии, с одной стороны, и германским империализмом, с другой. Пусть это станет очевидным для всех.

Таковы в самых общих чертах те итоги и перспективы в области славистических исследований, с которыми советские слависты приходят к V Международному конгрессу славистов в Софии. Итоги эти свидетельствуют о том, что в послевоенные годы удельный вес славистической проблематики в общей системе наших гуманитарных наук необычайно вырос. Нет сомнения в том, что роль славяноведения и в дальнейшем будет неизменно увеличиваться по мере того, как будут расширяться, захватывая широкую международную проблематику, наши славистические исследования.

Расширяя исследование исторических, культурных, политических и языковых связей славянских народов с народами другого происхождения, славяноведческая наука сыграет свою роль в деле укрепления идей дружбы и братства между народами, в деле укрепления общего всем народам стремления к миру и социальному прогрессу.

СОДЕРЖАНИЕ

Славяноведение как научная дисциплина	3
Историко-славистические исследования	
Изучение славянских литератур	52
Работы по славянскому языкоизнанию	62
Основные задачи и перспективы советских славистических исследований	79

*В. Д. Королюк, Н. И. Толстой, И. А. Хренов,
И. М. Шептунов, С. А. Шерлаимова
Советское славяноведение
Краткий обзор литературы 1945—1963 гг.*

*Утверждено к печати Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Сдано в набор 29/VIII 1963 г. Подписано к печати 5/IX 1963 г.
Формат 84×108^{1/32}. Печ. л. 2,63. Усл. л. 4,32. Тираж 1600
Т-10874. Изд. № 2346. Тип. зак. № 2630.

Цена 25 к.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства АН СССР
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Цена 25 к.